

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

**Особенности передачи литовского языка кириллицей
в 1864–1904 гг.**

Выпускная квалификационная работа
бакалавра филологии

Лидии Николаевны Пиянзиной

_____ подпись

Научный руководитель
доц. Ванда Пятровна Казанскене

«___» _____ 2011 г. _____ подпись

Санкт-Петербург, 2011

Содержание

Содержание.....	1
Введение.....	2
Глава I. Общественно-политическое положение Литвы в 1864–1904 гг. и краткий обзор литовских текстов, написанных кириллицей	7
Глава II. История исследования вопроса передачи литовского языка кириллицей в период запрета печати 1864–1904 гг.	17
Глава III. Способы передачи литовских текстов кириллицей в 1864–1904 гг. на примере конкретных текстов.....	22
С. Микуцкий, Л. Ивинский. Абецеле...(1864)	23
[Л. Ивинский] Евангеліесь антъ недѣліос денунь... (1865)	26
[И. Кречинский] Трумпась катехизмась ... (1865)	30
[И. Кречинский, Л. Ивинский] Сенась аукса алторюсь... (1866)	33
[И. Кречинский] Актась ирь потерей... (1867)	37
[И. Кречинский] Русишкой-летувишкасись календорюсь ... (1867) ..	39
[И. Кречинский] Мокслась скайтима рашта... (1867)	42
Ишгульдимамай швенту еванелію... (1869)	45
Ф. Ф. Фортунатов, В. Ф. Миллер. Литовскіе народные песни (1872)	49
[И. Кречинский] Ді ^е вишка літургіја... (1887)	51
[И. Лютостанскис] Кауказа невальникась (1891)	56
Й. Грабаускас. Укишкасис календорюс 1902 метамс... (1902)	59
Заключение	62
Литература	68
Приложения	72
Приложение I. Таблица № 1	73
Приложение II. Иллюстрации кириллических памятников литовского языка 1864–1904 гг.	74

Введение

Данная работа посвящена выявлению особенностей передачи литовского языка кириллицей в 1864–1904 гг., когда на территории Литвы была введена так называемая „гражданка“¹. Работа носит исследовательский характер, так как она предполагает изучение орфографии кириллических памятников литовского языка в период с 1864 по 1904 гг. и сравнение выявленных способов и закономерностей передачи литовского языка кириллической азбукой разными авторами.

Объектом исследования являются литовские кириллические издания выше означенного периода.

После запрета печати литовских книг на латинице был организован их выпуск кириллическим гражданским шрифтом. В период с 1864 по 1904 год было выпущено 58 книг на „гражданке“, что составляло лишь 4 % от общего числа всей напечатанной в то время литературы на литовском языке [Zinkevičius 1990: 94]. В большинстве случаев это были азбуки, учебные пособия и книги религиозного содержания: катехизисы, евангелие. Однако напечатано было и несколько художественных произведений. Это были переводы трех книг Л. Н. Толстого и одной сказки А. С. Пушкина. Литовский народ эти нововведения не принял и стал бороться за возвращение печати латиницей. И, уже „1 мая 1904 года министр внутренних дел В. К. Плеве, получив предварительное одобрение от высочайшего имени и комитета министров, разослал циркуляр, которым аннулировались все предшествовавшие запрещения литовской письменности и разрешалось пользоваться латинским и прочими шрифтами“ [Владимировас 1985: 85].

---

¹ Гражданский шрифт — шрифт, введенный в России Петром I в 1708 году.

В качестве материалов для данного исследования были выбраны следующие тексты:

1. Азбука С. Микуцкого и Л. Ивинского „Абецеле жемайтишкой-лѣтувишка...“ (1864);
2. Тексты религиозного содержания: [Л. Ивинский] „Евангелієсь антъ недѣліос денунъ ирь китунъ швенчу..“ (1865), [Й. Кречинский] „Трумпась катехизмась...“ (1865), [Л. Ивинский, Й. Кречинский] „Сенась аукса алторюсь...“ (1866), [Й. Кречинский] „Актась ирь потерей...“ (1867), „Ишгульдимай швенту евангелію...“ (1869), [Й. Кречинский] „Діѣвишка літургіја Швѣнто Јоно Аѣксобѣрнію“ (1887);
3. Календари: [Й. Кречинский] „Русишкой летувишкасісь календорюсь антъ 1868 (прибувимась) мѣту“ (1867), [Й. Грабаускас] „Укишкасіс календорюс 1902 метамс“ (1902);
4. Художественное произведение: [И. Лютостанскис] „Кауказа невальникась“ (1891);
5. Учебник: [Й. Кречинский] „Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку“ (1867).
6. Песни: Ф. Ф. Фортунатов, В. Ф. Миллер „Литовскія народныя песни собранныя Всев. Миллером и Ф. Фортунатовым“ (1873). Данное издание примечательно тем, что ранее оно не исследовалось. К тому же данные материалы — это уникальная возможность сравнить идентичные тексты, записанные кириллицей и латиницей одним и тем же лицом. *За предоставленные для написания соответствующего раздела данной работы материалы выражается благодарность Ванде Пятровне Казанскене.*

Итого: 12 изданий периода с 1864 по 1902 год.

Для данного исследования из 58 известных кириллических изданий было выбрано несколько текстов разных жанров: религиозная литература, календари, учебные пособия (азбука и учебник), одно художественное произведение и песни Ф. Фортунатова и В. Миллера. Большинство изданий датировано 60-ми годами XIX века (восемь книг), один памятник относится к 70-м годам, один текст был написан и издан в 80-е годы, еще один — в 90-е годы, и, наконец, самое позднее анализируемое нами издание появилось в начале первого десятилетия XX века.

Формирование литовской литературы и печати осуществлялось в то время, когда Литва входила в состав Российской Империи. Восстание 1863 года послужило поводом для попытки русского правительства сделать обязательным для всех регионов страны кириллический шрифт, а потому, в 1864 году был введен запрет на печатание книг латинскими буквами. Подробнее об этом и других средствах политики русификации русского правительства рассказывается в первой главе данной работы, где также сообщается об основных разработчиках гражданского шрифта для литовских изданий.

Разные аспекты последствий запрета литовской печати, а также меры и способы борьбы против указа о введении кириллического алфавита для литовских текстов в достаточной мере изучены литовскими историками. Однако до сих пор не существует фундаментальных филологических работ, посвященных изучению применения кириллического алфавита для литовского языка. Намеками на изучение кириллицы, которой переписывались литовские тексты в период запрета печати, с филологической точки зрения являются работы Й. Гумаса, В. Меркиса и П. Йоникаса [Subačius 2004: 139].

Однако именно интересующей нас теме, существовавшим особенностям передачи литовского языка кириллицей, посвящено не так много исследований. Прежде всего, это работы литовского ученого Г. Субачюса: его монография „Lietuvių kalbos ekspertai Rusijos Imperijos

tarnyboje. D. Kaširinas, Z. Liackis, A. Poidėnas“, статья „Kazimiero Lelio ir Ipolito Liutostanskio lietuviškos kirilikos modeliai, 1887–1891“, где сравниваются кириллические модели литовского языка двух авторов периода 1887–1891 годов. Более подробно о существующих на данный момент исследованиях кириллического шрифта, использовавшегося для передачи литовского языка со второй половины XIX до начала XX века рассказывается во второй главе данного исследования.

А к т у а л ь н о с т ь работы обусловлена тем, что в последнее время литовские исследователи все чаще стали обращаться к изучению периода запрета печати. Это является примечательным и немаловажным фактом, так как промежуток времени с 1864 по 1904 год предшествует периоду становления литературного языка в Литве, а, следовательно, представляет интерес для его более подробного изучения.

К тому же, к написанию данной работы были привлечены тексты, которые ранее исследователями не изучались. Например, это такие памятники, как: [Л. Ивинский, Й. Кречинский] „Сенась аукса алторюсь...“ (1866), [Й. Кречинский] „Актась ирь потерей...“ (1867), „Ишгульдимамай швенту евангелію...“ (1869), [Й. Кречинский] „Ді^евишка літургіја Швэнто Јоно Аўксобурніо“ (1887) и некоторые другие.

Одним из первых разработчиков кириллического шрифта для литовского языка в XIX веке был С. П. Микуцкий. Именно его вариант кириллического алфавита для литовского языка был одобрен и принят попечителем Виленского округа И. П. Корниловым. На базе этой азбуки в 1864 году был отпечатан литовский букварь „Абецеле жемайтишкой лѣтувишка“.

Однако проект С. Микуцкого не был единственным. Уже в следующем после выхода *Абецеле*, 1865, году появляются две новые кириллические системы: Л. Ивинского и Й. Кречинского. В последующие годы также выходят издания с новыми примененными к ним алфавитами. В связи с этим, главными з а д а ч а м и данной работы становятся анализ

и сопоставление орфографии литовских кириллических изданий разных годов и разных авторов. Этот материал составляет основную, третью, главу данного проекта, которая разбита на подразделы, каждый из которых посвящен анализу отдельного кириллического памятника литовского языка.

В ходе решения поставленных в работе задач были использованы следующие м е т о д ы исследования: во-первых, это анализ имеющихся текстов, который заключался в выявлении всех возможных функций, которые выполняла та или иная кириллическая графема, а именно, какие литовские звуки она могла передавать; во-вторых, это сравнение и обобщение выявленных кириллических систем между собой.

Глава I. Общественно-политическое положение Литвы в 1864–1904 гг. и краткий обзор литовских текстов, написанных кириллицей

Вскоре после подавления восстания 1863 года царское правительство берет курс на русификацию литовского населения и ассимиляцию Литвы. Основными направлениями этого курса стали перевод школьного обучения с польского языка на русский, укрепление положения Русской Православной Церкви и запрет на издание литовских текстов латиницей.

Запрет печати 1864–1904 годов в Литве — период борьбы литовского народа против введения кириллицы в качестве основного шрифта для печатных изданий, а также против всех нововведений правительства, целью которых была ассимиляция Северо-Западного края. С одной стороны, царские власти всеми силами и средствами старались ввести кириллическую азбуку в литовскую письменность и в то же время пресекали на корню употребление традиционной для литовского языка латиницы. С другой же стороны, литовский народ резко отвергал нововведенный алфавит. Население отказывалось покупать и читать книги, напечатанные кириллицей — тайно выпускались и распространялись книги на запрещенной латинице.

Замысел данной реформы существовал и раньше, однако, воплотить в жизнь его удалось лишь в 1863 году по инициативе виленского, ковенского, минского и гродненского генерал-губернатора М. Н. Муравьева. Разъяснялось, что данная мера была необходима для ограничения литовского народа от польского влияния. По всей видимости, М. Н. Муравьев „как и Екатерина II придерживался мнения, будто Литва — «изначально русский край», только долгое время она находилась под

польским влиянием. Поэтому нужно всеми средствами снова ее «обрусить» [Zinkevičius 1990: 87]. М. Н. Муравьев полагал, что, ослабив мощь литовских дворян, Литва „сама по себе обрусее“ [Zinkevičius 1990: 87]. Но он не остановился на уничтожении дворянства. Во всех школах Литвы преподавание отныне должно было вестись только на русском языке. С этой целью на работу в учебные заведения было приглашено большое число молодых сторонников реформы, поскольку „старые учителя для этого (для преподавания на русском языке — прим. Л. Н. Пиянзиной) не годились“ [Zinkevičius 1990: 87]. М. Н. Муравьев старался внедрить русский язык и в церковь, что едва удалось сделать, поскольку литовские священнослужители игнорировали это нововведение.

„Обрусение литовских школ напугало крестьян, и они перестали водить туда своих детей, предпочитая обучать их самостоятельно дома либо организовывая тайные школы, которые распространялись достаточно быстро“ [Zinkevičius 1990: 89]. Таким образом литовское крестьянство выражало свой протест царской власти против новой реформы.

М. Н. Муравьев и его сторонники любым возможным образом стремились увеличить число русских на территории Литвы. Доходило до того, что жителей русских глубинок насильственно переселяли в литовские деревни и города. Но и этого Муравьеву казалось недостаточным, и он постанавливает „не только в государственных учреждениях, в школах, но и в повседневной жизни (на собраниях, в театрах, даже на улице в более или менее большой компании) говорить только по-русски“ [Zinkevičius 1990: 91].

Спустя какое-то время М. Н. Муравьев решается на изменение литовского алфавита, „чтобы и в молитвенниках «обрусивать» народ“ [Zinkevičius 1990: 92]. Новый алфавит, составленный на основе кириллических символов, максимально напоминал русский, что позволило бы, по замыслу М. Н. Муравьева, оградить литовский язык от влияния польской латиницы.

Вопрос о применении русского алфавита к литовскому книгоиздательству был согласован главным начальником Северо-западного края, виленским, гродненским, ковенским и минским генерал-губернатором, а также командующим войсками Виленского военного округа, М. Н. Муравьевым со статс-секретарем по делам Польши Н. А. Милютиным, так как введение преподавания на русском языке должно было касаться как литовских губерний Северо-Западного края, так и Августовской губернии¹. В качестве научных консультантов М. Н. Муравьева и Н. А. Милютина были приглашены член-корреспондент Академии наук, славянофил А. Ф. Гильфердинг, а также доцент Варшавского университета С. П. Микуцкий. Полагаясь на мнения этих людей, М. Н. Муравьев и Н. А. Милютин незамедлительно предприняли соответствующие административные меры.

Для приспособления русской азбуки к фонетическим особенностям литовского языка и издания литовских букварей и других книг были нужны люди, владеющие литовским языком. На эту должность и был приглашен С. П. Микуцкий. Он ознакомил И. П. Корнилова со своими соображениями по поводу нового алфавита, созданного на основе „гражданского шрифта“ [Владимировас 1985: 76]. Его взгляды были полностью поддержаны и одобрены.

Станислав Павлович Микуцкий родился 26 ноября 1814 года в Польше в семье мелких дворян. В 1842 году попадает на филологический факультет Московского университета. Во время учебы в университете подружился с неким Виткаускасом, который научил его неплохо говорить по-литовски. Это позволило ему „играть роль русского ученого в сфере литовского языка, так как в то время русские лингвисты практически вовсе не имели представления о литовском языке“ [Biržiška 1990: 236]. После окончания университета ему была присуждена стипендия на два года: с

---

¹ Августовская губерния — административная единица Царства Польского, существовавшая в 1837–1866 годах с центром в г. Сувалки. Была упразднена в 1866 году.

1853 по 1854, для изучения литовского языка в Литве и Белоруссии и для написания сравнительного словаря литовского и славянских языков.

В 1864 году Микуцкий, рекомендованный Милютиным Муравьеву, прибыл в Вильнюс для принятия участия в составлении русского шрифта для литовской азбуки. В это же время он подготовил первый литовский проект, который был напечатан русскими буквами. Главной своей задачей Микуцкий считал „духовное и литературное сближение и объединение славянского мира“ [Микуцкий С. П. Записка о составлении славянского корнеслова: л. 2]. Именно с этой целью он и пытался применить русскую азбуку к литовскому, латышскому и польскому языкам.

В сентябре 1873 года Микуцкий был приглашен в качестве преподавателя сравнительной грамматики славянских языков в Варшавский университет, где в 1881 году стал доцентом кафедры сравнительного языкознания. В 1888 году подал в отставку и до конца своей жизни (до 1890 года) проработал помощником в библиотеке университета.

Станислав Микуцкий умер 25 августа 1890 года в Варшаве.

Однако проект С. П. Микуцкого не был единственным. Известно, что в составлении первой литовской азбуки, изданной кириллицей, участвовал Л. Ивинский: „Тем не менее, С. Микуцкий, видимо, из-за слишком плохого знания литовского языка, не решался в одиночку браться за создание букваря“ [Merkys 1978: 40]. Поэтому ему на помощь был приглашен учитель начальной школы городка Йонишкелис Лаврин Ивинский (Laurynas Ivinskis).

Родился Л. Ивинский 15 августа 1810 года в деревне Бамбалай, ныне Кельмеский район. Был приходским учителем в Поневежском уезде и домашним учителем. Известен своими календарями, которые издавал с 1847 года по 1864 год и затем в 1877 году; 19 из них на литовском языке латинским шрифтом, три — кириллицей. Календари Л. Ивинского представляли собой своего рода альманахи, в которых, помимо сведений о

церковных праздниках и ярмарках, давались статьи и заметки по сельскому и домашнему хозяйству, по медицине и ветеринарии, а с 1852 году был введён литературный отдел. Календари Л. Ивинского печатались в Вильне (совр. Вильнюс — примечание Л. Н. Пиянзиной) в типографии известных виленских издателей и книготорговцев Завадских. Для истории просвещения Литвы его календари имеют первостепенное значение; они заменяли литовскую прессу, которая возникла только в год его смерти. Он также перевёл с немецкого на литовский язык и издал в 1858 историю о Геновеве („Genawejte“) австрийского писателя К. Шмида. Сделал сокращённый перевод „Робинзона Крузо“ Д. Дефо. Оставил целый ряд ненапечатанных рукописей: „Польско-литовский словарь“, переводы Дж. Мильтона, Ф. Юнга и других авторов. Умер Л. Ивинский 17 августа 1881, в деревне Милвидай, ныне Шяуляйский район [Ауксорюте 2005: 63–72].

Уже через год после выхода в свет букваря С. Микуцкого и Л. Ивинского выходит второй букварь „Абецеле летувишкай-русишка“ (1865), который перевел с русского Т. Ф. Жилинскас¹.

Томас Фердинантас Жилинскас родился в 19 января 1840 года в деревне Домейки Марьямпольского уезда, который находится на юго-востоке Литвы. Окончив гимназию для мальчиков в городе Сувалки, Т. Жилинскас в течение 37 лет работал в школе города Вейвярей, преподавая там литовский язык, математику, естествознание, географию, основы садоводства и пчеловодства. В 1864 году он переписал кириллическим шрифтом „Аукщеусес указас апе лементоришкас мокслинийчес Каралистее Ленку“, а в 1864 ему было поручено перевести сначала на литовский язык, а затем записать полученный перевод кириллицей „Букварь для русскаго, польскаго и литовскаго населенія“.

---

¹ В статье Г. Субачюса „Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1904 metais“ он именуется как Т. Ф. Жилинскис, что неправильно, потому как гимназия, которая носит имя Т. Жилинского, называется „Veiverių Tomo Žilinsko gimnazija“. Следовательно, правильное написание фамилии — не Žilinskis, как у Г. Субачюса, а Žilinskas.

Т. Жилинскас перевел ту часть, которая предназначалась для литовцев, а затем переписал перевод кириллическими символами [Subačius 2004: 150]. В честь него позднее была названа средняя школа, где он работал. Умер Т. Ф. Жилинскас в 1925 году.

Еще один букварь „Букварсь жемайтишкай-русишкасись“, переведенный Й. Кречинским, вышел в 1865 году. Й. Кречинский принимал участие в создании и переводе около 30 кириллических изданий. Биографических сведений о Й. Кречинском сохранилось совсем немного.

Родился он около 1820 года. Был обрусевшим литовским татаринном, хорошо знавшим литовский язык. В. Биржишка предполагает, что, „скорее всего, родом он был из Сувалкии“ [Biržiška 1990: 299]. В 1861 году, являясь учителем Таурагской церковно-приходской школы, подготовил учебник по русскому языку для литовцев, начинающих изучать данный предмет.

Как только Й. Кречинский узнал о замысле русского правительства ввести кириллическое письмо для литовского языка, он, „как единственный хорошо владеющий литовским языком «русский», был тот час же привлечен к работе и больше, чем десять лет подготавливал такого рода «литературу»“ [Biržiška 1990: 299].

В 1866 году Й. Кречинский стал надзирателем Виленской реальной гимназии. Около 1883 года он получил место помощника классного наставника в Марьямпольской гимназии. А после того, как в 1883 году из этой школы был уволен П. Арминас, Й. Кречинский какое-то время, приблизительно до 1884 года, занимал его пост и работал учителем литовского языка в начальных классах.

О дальнейшей жизни и деятельности Й. Кречинского почти ничего неизвестно. Можно лишь предположить, что „вскоре после этого (после момента, когда он был уволен с должности учителя литовского языка в начальных классах Марьямпольской школы — прим. Л. Н. Пиянзиной) он

умер, так как, когда он прибыл в Мариамполь, ему было уже много лет“ [Biržiška 1990: 299].

Особое место занимают работы К. Лялиса и И. Лютостанскиса. Они „пришли как настоящие новаторы, со своими мыслями и кириллическими моделями“ [Subačius 2006: 279]. К. Лялис выпустил лишь одну единственную книгу — „Лѣтувосъ кряучѣмъ драпану сукирпима мокслась, скиримъ дель патьмокимаси“ (1887). „За все 40 лет использования кириллицы это единственная публикация, созданная по замыслу самого автора-переводчика и изданная за его личные средства“ [Subačius 2006: 279].

И. Лютостанскис подготовил переводы трех текстов Л. Н. Толстого: „Ишлайденсь угни, не бе ужгясинси“, „Кауказа невальникась“ и „Курь майле, тень ирь девась“. Все три книги были собственноручно переведены И. Лютостанскисом на литовский язык, а затем переписаны кириллическим шрифтом. Таким образом, мы видим, что К. Лялис и И. Лютостанскис отличились тем, что подготовили одними из первых кириллические издания не религиозного или политического содержания (первыми были Ф. Ф. Фортунатов и В. Ф. Миллер и их сборник литовских народных песен, опубликованный впервые в 1872 году), так как „традиционно до этого момента кириллица служила для перевода букварей, религиозных книг, календарей и царских указов“ [Subačius 2006: 280].

И. Лютостанскис был учителем. Известно, что он преподавал литовский язык в гимназии для мальчиков города Сувалки. Кроме переводов Л. Н. Толстого подготовил литовскую хрестоматию для учеников старших классов, которая, однако, осталась ненапечатанной [LTSR b-ja kn. 1 1985: 731].

К. Лялис был портным. Родился он в 1865 году в деревне недалеко от города Паневежис. В 1871–1875 годах учился в начальной школе, затем у деревенских портных. С 1884 года жил в Елгаве и занимался

портновским ремеслом. В 1885 году написал руководство для литовских портных латинскими буквами, но не получив разрешения цензоров, вынужден был переписать его кириллицей. Умер К. Лялис в 1892 году в Елгаве [LTSR b-ja kn. 1 1985: 675].

Приспособлением кириллического шрифта к литовскому языку занимались также: учитель русского языка Д. Каширин, З. Ляцкий, учитель Паневежской семинарии, и А. Поиденас, преемник З. Ляцкого на посту учителя Паневежской семинарии. Их жизни и деятельности посвящена монография Г. Субачюса „Lietuvių kalbos ekspertai Rusijos Imperijos tarnyboje. D. Kaširinas, Z. Liackis, A. Poidėnas“.

Д. Каширин известен тем, что подготовил и перевел на кириллицу текст „Мокслась дель ишмокима русишко-летувишкось громають и артыметыкось“ (1868).

З. Ляцкий являлся редактором и рецензором издания „Русишкась мокслась дэль летувнику“ (1875). Также известно, что совместно с Э. Вольтером и А. Поиденасом он был одним из редакторов текста „Дівишка літургіја Швэнто Јоно Аўксобурніо“ (1887). Еще одна совместная с А. Поиденасом корректура — это три перевода Л. Н. Толстого, которые подготовил упомянутый нами ранее И. Лютостанскис.

Еще одним учителем, занимавшимся приспособлением кириллицы к литовскому языку был Й. Грабаускас. Он родился в 1873 году в деревне Плутишкой Марьямпольского уезда. В 1891 году окончил учебную семинарию города Вейварей. Затем преподавал в разных учебных заведениях. В 1920 году он вернулся в Литву и поселился в Вильнюсе, где работал редактором газеты „Nasza ziemia“. Во время периода запрета печати сотрудничал с литовскими газетами города Тильже. В 1902 году подготовил и издал на кириллице „Укишкис календорюс 1902 метамс“. В 1905 году стал сотрудником газет, издаваемых в Вильнюсе: „Vilniaus

žinios“, „Šaltinys“, „Viltis“. Умер Й. Грабаускас в 1941 году [LTSR b-ja kn. 1 1985: 415].

Последние два автора, о чьей работе далее пойдет речь в данной работе, это — Ф. Ф. Фортунатов и В. Ф. Миллер. В 1871 году они предприняли поездку в Литву, результатом которой стал сборник литовских народных песен, вышедший сначала в Московских университетских известиях в 1872 году, а затем отдельным изданием в 1873 году.

Ф. Фортунатов родился в 1848 году в семье учителя; в 1868 году окончил Московский университет, затем занимался диалектологической работой в Литве, стажировался в Германии и Франции. Магистерская диссертация (1875) посвящена анализу ведийского языка. С 1876 по 1902 год — профессор на кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков Московского университета, активно преподаёт, читает курсы индоевропеистики и общего языкознания. Почётный доктор (1884), член-корреспондент (1898), действительный член Российской академии наук (1902); член ряда зарубежных академий и научных обществ. С 1902, в связи с избранием академиком, работал в Санкт-Петербурге, занимаясь исследовательской и издательской деятельностью. Умер Ф. Фортунатов в 1914 году.

В. Ф. Миллер родился в 1848 году в Москве. Занимался исследованием русской былевой поэзии, а также являлся главным представителем московской этнографической школы. Известен как один из организаторов востоковедческого образования в России. В 1876 г. защитил диссертацию „Асвины-Диоскуры“ и с 1877 года стал читать курсы санскрита и древней истории Востока в Московском университете; кроме того, с 1877 года преподавал на высших женских курсах профессора Герье историю русского языка и древнерусскую литературу. В 1892 году он перешел на кафедру русского языка и литературы, оставив за собой преподавание санскрита. С тех пор его многочисленные самостоятельные

работы вращались главным образом вокруг области русского былевого эпоса. Умер В. Миллер 1913 году.

Таким образом, можно заметить, что все разработчики кириллического шрифта для литовского языка, кроме К. Лялиса, были учителями либо университетскими преподавателями, как С. П. Микуцкий, Ф. Ф. Фортунатов и В. Ф. Миллер а, следовательно, были высоко образованными людьми.

Кириллицей переписывались тексты, которыми должно было пользоваться большое количество людей. Это такие издания, как азбуки и другие учебные пособия: „Абецеле жемайтишкай-лѣтувишка...“ С. Микуцкого и Л. Ивинского, „Абецеле летувишкай-русишка...“ Т. Жилинскаса, „Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку...“ Й. Кречинского; религиозные тексты: „Евангеліесь анть недѣліос денунь ирь китунь швенчу...“ Л. Ивинского, „Трумпась катехизмась...“ Й. Кречинского; календари: „Русишкай летувишкасись календорюсь анть 1868 (прибувимась) мѣту“ Й. Кречинского, „Укишкасис календорюс 1902 метамс“ Й. Грабаускаса; художественная литература: „Ишлайденсь угни, не бе ужгясинси“, „Кауказа невальникась“ и „Курь маяле, тень ирь девась“ И. Лютостанскиса.

Большинство этих памятников не исследовано и не проанализировано. Однако некоторые издания возбудили интерес у современных ученых и послужили основой для написания различных статей и монографий.

Глава II. История исследования вопроса передачи литовского языка кириллицей в период запрета печати 1864–1904 гг.

Существует не мало исследований литовских ученых, посвященных разным аспектам последствий запрета на использование традиционного для литовской письменности латинского шрифта, а также мерам и способам борьбы против введенного запрета. В первую очередь, нужно отметить две монографии В. Меркиса (V. Merkys „Nelegalioji lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu (ligi 1904 m.)“, „Knygnešių laikai 1864–1904“), работы Ю. Тумаса „Lietuvių literatūros paskaitos“ и „Lietuvių literatūra rūsų raidėmis“, В. Биржишки „Kaip buvo uždrausta ir atkovota lietuvių spauda“, А. Тилы „Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla“. Однако именно интересующей нас теме, существовавшим особенностям передачи литовского языка кириллицей, посвящено не так много работ. Прежде всего, это работы литовского исследователя Г. Субачюса: его монография „Lietuvių kalbos ekspertai Rusijos Imperijos tarnyboje. D. Kaširinas, Z. Liackis, A. Poidėnas“, статья „Kazimiero Lelio ir Ipolito Liutostanskio lietuviškos kirilikos modeliai, 1887–1891“, где сравниваются кириллические модели литовского языка двух авторов периода 1887–1891 годов.

Немаловажным для написания данной работы является сборник статей, составленный Дарюсом Сталюнасом „Raidžių draudimo metai“, где собраны такие сочинения, как: Д. Сталюнас „Lietuvių tapatumas, kalba ir rašmenys Rusijos tautinėje politikoje (XIX a. 7-asis dešimtmetis)“, Г. Субачюс „Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1866 metais“, А. Миллер „Kalba, tapatybė ir lojalumas Rusijos Imperijos valdžios politikoje“, Б. Успенский „Nikolajus I ir lenkų kalba (Rusijos imperijos kalbinė politika

Lenkijos Karalystėje: grafikos ir rašybos klausimai“), а также некоторые другие.

В статье „Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1904 metais“ Г. Субачюс исследует манеры передачи литовского языка кириллицей пяти авторов: С. П. Микуцкого („Абецеле жемайтишкai лѣтувишка“ (1864), „Указас (ужсакимас) апе иредима вальціоню (содишкю, укинику“ (1864)), Л. Ивинского („Абецеле жемайтишкai лѣтувишка“ (1864), „Календорюс укишкась анть мету вѣшпатѣс 1865“ (1865)), Т. Жилинского („Аукщес указас апе лементоришкас мокслиничес Каралистее Ленку“ (1864), „Абецеле летувишкai-русишка...“ (1865)) и Й. Кречинского („Кантычкась, арба Книнга гѣсмю...“ (1865), „Русишкai летувишкасись календорюсь анть 1867 мету“ (1866)). Проанализировав данные издания, исследователь приходит к выводу, что можно выделить две орфографические системы: кириллица, которая подстраивалась под русский язык, и кириллица, которая была более близка литовскому языку. Представителем первой системы был Й. Кречинский, который „следовал указу Николая I ориентироваться на русскую орфографию и грамматику“ [Subačius 2004: 172]. Во вторую же группу входили С. П. Микуцкий, Л. Ивинский и Т. Жилинский. Они старались, как можно точнее выразить звуки литовского языка, „сделать кириллицу удобной для литовцев“ [Subačius 2004: 172].

В статье Дайвы Литвинскайте „Kirilikos Evangelijų (Евангеліес, 1865) rašyba: Laurynas Ivinskis ir Jonas Krečinskis“ исследуется еще один кириллический памятник литовского языка — „Евангеліесь анть недѣліос денунь ирѣ китунь швенчу, куріос Ира скайтомась бажниціось швентосѣ парѣ иштисусь метусь пагаль Рима иредима“. Автор статьи утверждает, что данный текст был составлен на основе книги Й. А. Гедрайтиса „Naujas Įstatymas“ (1816), а затем переведен Л. Ивинским, на что указывают сразу два историка А. Алекна и В. Меркис [Litvinskaitė 2005: 123–124]. Однако

автор статьи не согласна с ними, полагая, что к переводу текста на кириллицу приложил руку и Й. Кречинский. В статье Д. Литвинскайте есть несколько фактических ошибок: на странице 125 автор неправильно указывает имя Ипполита Лютостанскиса, именуя его Йокубасом, а также приписывает Отонасу Праняускасу авторство перевода литовского текста на кириллицу такого памятника, как „Ишгульдимай швенту еванелию антъ вису недѣлю ирь швенчу иштису мету“ (1869). В действительности же О. Праняускас перевел третью часть данного издания с польского языка на литовский. Первая часть была переведена Й. К. Рачкаускисом, вторая часть принадлежала перу К. Касакаускиса, а над четвертой частью работали сразу три переводчика: Й. Довидайтис, Р. Стакенас и А. Береснявичюс [LTSR b-ja kn. 2. 1985: 240–241]. В выводе автор пишет, что об участии Й. Кречинского в редактировании текста Евангелие свидетельствуют также „исторические источники“ [Litvinskaitė 2005: 135–136]. Однако в статье не приводится ни одной ссылки на подобную литературу, а все выводы делаются на основании проанализированного текста Евангелие и выявленных в нем орфографических и лексических особенностей.

В своей статье „Filologinis Aleksandro Luočio salto: Trumpassь Katechizmassь (1865) verčiamas Trumpu Katechizmu (1874)“ Г. Субачюс анализирует текст катехизиса 1874 года, который был переведен с кириллического издания 1865 года. В ходе своего повествования автор ни раз выражает сомнение в авторстве кириллического перевода катехизиса 1865 года, приписывая его то М. Валанчюсу, то Й. Кречинскому. В конце же статьи Г. Субачюс, исследовав орфографические особенности кириллического памятника, приходит к выводу, что данный текст редактировали два человека, а именно: М. Валанчюс и Й. Кречинский, так как в работе встречается много черт свойственных манере передачи литовского языка кириллицей Й. Кречинского [Subačius Balt. 2006: 304-305].

Статья Г. Субачюса „Nežinomas Zavadzkiio spaustuvės leidinukas kirilikos radėmis (1887)“ посвящена неизвестному кириллическому изданию, неуказанному в библиографии ЛССР. Издание состоит из двух частей:

- 1) наставления Ивана Посошкова солдату „Тевишкас тестаментас Русишкам Карейвюй (Иш тестаменто жмогаус вальцоно Іоно Посошкова)“;
- 2) и календаря „Календориус свецну целу мету“.

Исследовав орфографические и лексические особенности данного памятника, Г. Субачюс делает вывод, что приспособил кириллицу к данному литовскому тексту некий Кишкис (его имя неизвестно), В. Арамавичюс и С. Балтрамайтис корректировали его [Subačius 2010: 140]. А позднее текст могли редактировать З. Ляцкий и А. Поиденас, так как в издании встречается много черт, свойственных данным двум редакторам.

В статьях Ю. Вянцкене „Kirilika rašyti lietuviški XIX amžiaus pabaigos ir XX amžiaus pradžios rankraštiniai tekstai“, Ю. Вянцкене „Kirilika rašytas lietuviškas atvirukas (XX amžiaus pradžia?)“ и А. Тамощюнайте „Viena kalba — dvi abėcėlės: kirilika ir lotiniška abėcėle rašyti Petro Survilo laiškai“ рассказывается о личных переписках, которые велись на литовском языке, но записывались не латиницей, а кириллицей. В своих статьях авторы рассказывают о возможных причинах такого способа ведения личной переписки, а также анализируют орфографические и лексические особенности авторов текстов.

Итак, как мы видим, в последнее время интерес к тому периоду времени, когда печать латиницей на литовском языке была запрещена, значительно вырос. За последние десять лет появилось немало работ на данную тематику, которым, преимущественно, свойственен не описательный, а исследовательский характер.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что в качестве материала для исследовательских работ стали привлекаться новые, ранее не изучавшиеся, по большей части, архивные материалы, например письма, написанные кириллическим шрифтом из личного архива жителей Литвы конца XIX – начала XX веков [Venckienė 2004: 315–338], [Venckienė 2006: 319–332] и [Tamošiūnaitė 2010: 157–182].

Как уже было упомянуто во введении к работе, в качестве материалов для данного исследования было выбрано 12 изданий периода с 1864 по 1902 год.

Несмотря на то, что тексты *Абецеле*, *Евангелие* (1865), *Катехизиса* и перевод издания „Кауказа невальникась“ Л. Толстого были исследованы Г. Субачюсом и Д. Литвинскайте в их статьях, упомянутых ранее, данные памятники в нашей работе будут проанализированы еще раз с некоторыми дополнениями и комментариями.

Глава III. Способы передачи литовских текстов кириллицей в 1864–1904 гг. на примере конкретных текстов

Одним из первых за разработку кириллического шрифта для литовского языка принялся С. П. Микуцкий, который был приглашен с этой целью в Вильнюс. Сам автор новой литовской азбуки был уверен в том, что при помощи латиницы практически невозможно выразить всех звуков литовского языка. Кроме того, для молодежи, особенно деревенской, не представляется возможности освоить сразу два шрифта (латинский и кириллический), поэтому латинскую азбуку литовцам „полезно и даже нужно обязательно“ [Merkys 1978: 30] заменить кириллицей („цивильным шрифтом“ [Merkys 1978: 30]). С. П. Микуцкий „опубликовал свой новый литовский алфавит, составленный на основе кириллического: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, ъ, ѝ, і, к, л, м, н, о, ѓ, п, р, с, т, у, ѹ, ц, ч, ш, щ, ь, ѿ, э, ю, я* и знак апострофа ('), т. е. всего 35 букв и других знаков. По словам Микуцкого, 28 кириллических букв были вполне приемлимы для литовской фонетики без всяких изменений, и лишь для семи звуков и дифтонгических сочетаний нужно ввести специальные обозначения: *é* — *ê*, для долгого *у* — *û*, для долгих *о, ио, иа* — *ô*, для дифтонгов *ei, ij, ie* — *ъ, j* перед *о, ио* — *і, и*. Апострофом было предложено обозначать сокращенное окончание или выделять приставку, например: *эйт'* (*эйна*), *ат'іоти*. На носовые гласные С. Микуцкий предлагал не обращать внимания“ [Merkys 1978: 31].

Создав новый алфавит, который позднее, по словам Меркиса [Merkys 1978: 33], был несколько упрощен (некоторые буквы и знаки были либо заменены другими, более подходящими, либо исчезли вовсе),

С. П. Микуцкий вместе с Л. Ивинским принимается за написание „Абецеле жемайтишкой лѣтувишка“, которая была издана в 1864 году и стала первой книгой, напечатанной литовским кириллическим шрифтом.

**С. Микуцкий, Л. Ивинский Абецеле жемайтишкой-
лѣтувишка. Ишдѣта пар исакима Јо Милестас Вирияуся
Редитоя Шяурес-вакаро шалѣс М. Н. Муравьева¹ (1864)**

В начале книги для удобства всех читателей приводится литовский кириллический алфавит с их латинскими соответствиями. Так, например, под буквой *з* подписано, что ей соответствует латинское *z*, букве *ч* — *cz*, букве *я* — *ja*, букве *ѡ* — дифтонг *uo* и так далее. Однако ни в начале книги, ни в ее конце, ни в качестве сноски не объясняется, какую функцию выполняет знак *'*. В алфавите не указана так же и буква *у́*, которая в книге употребляется для обозначения второго компонента дифтонга *ai*: с. 18 *дангау́с*, с. 20 *гяряу́сю*, с. 25 *сау́*, с. 26 *ишклау́сидава*, с. 32 *яу́никайти*. В алфавите не присутствует таких букв, характерных для русского языка, как: *ы*, *ф*, *х* и *ъ*.

Забегая вперед, нужно сказать, что тексту С. Микуцкого и Л. Ивинского характерны некоторые особенности, которые в последствие позволят нам выделить стили С. Микуцкого и Л. Ивинского среди остальных авторов.

Одной из самых трудных проблем является установление кириллического графического эквивалента для литовских звуков [e], [é], [ie]. В русском языке на тот момент существовало 4 буквы для передачи вышеперечисленных звуков: *е*, *я*, *э* и *ь*. Сразу следует заметить, что все они использовались довольно непоследовательно, то в одной, то в другой позиции, что будет проиллюстрировано примерами немного позднее.

---

¹ См. приложение II, рисунки 1 и 2.

Итак, графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 14 *Швентос*, с. 18 *нес*, с. 24 *аное*, с. 25 *висое*, с. 25 *рейке*, с. 28 *дешимти*, с. 31 *тѳмет*, с. 34 *герти*.
2. [ɛ]: с. 15 *жямес*, с. 17 *милек*, с. 17 *жмонес*, с. 20 *паеме*, с. 21 *наваргелис*, с. 26 *линксмибе*, с. 27 *пратаре*, с. 29 *туредами*, с. 31 *дел*, с. 31 *жверис*.
3. Дифтонг [ie]: с. 20 *места*, с. 20 *некам*, с. 31 *некас*.

Графема <ѳ> служила для обозначения звуков:

1. [ɛ]: с. 20 *нѳ*.
2. дифтонга [ie]: с. 15 *дѳну*, с. 17 *Вѳшпати*, с. 18 *Дѳва*, с. 21 *ширдѳс*, с. 23 *вѳта*, с. 25 *вѳтишка*, с. 28 *кѳк вѳнас*, с. 29 *прѳ*, с. 33 *ѳшкодамас*, с. 34 *курѳ*, с. 34 *вѳтас*.

Графемой <э> обозначались звуки:

1. [e]: с. 15 *бэт*, с. 22. *бэ*, с. 26 *бэт*.
2. [e] в начале слова и после приставок: с. 18 *Эвангелиюс*, с. 21 *эйнантем*, с. 22 *эси*, с. 22 *эйк*, с. 22 *Эстляндиюс*, с. 24 *Эурупое*, с. 24 *эйките*, с. 27 *эйна*, с. 29 *эсантем*, с. 30 *атэйтү*, с. 33 *эйлас*.
3. [ɛ] после приставок: с. 20 *нуэя*, с. 30 *атэя*.

Графемой <я> обозначался звук [e], изображаемый на письме не только как {e}, но и как {ia}: с. 18 *жяме*, с. 19 *тречяс*, с. 20 *гяряусю*, с. 25 *вѳновальдэя*, с. 28 *жямес*, с. 29 *жияня*, с. 31 *гярай*, с. 32 *яуникайти*.

Как уже было сказано раньше, С. Микуцкий и Л. Ивинский не используют букву <ѳ> в конце слов после твердых согласных: с. 18 *сунумис*, с. 21 *гярас*, с. 25 *бролис*, с. 37 *бус*.

Время от времени употребляется апостроф ('). Он появляется в двух случаях:

1. Для обозначения сокращения в слове: с. 16 *сед'*, с. 24 *скялб'*, с. 32 *неб'гива*. Однако эту же функцию может выполнять и дефис: с. 28 *неб-нориме*, с. 30 *неб-галея*.
2. Для отделения приставки, оканчивающейся на твердый согласный перед гласными переднего ряда: с. 21 *иш'еме*, с. 23 *уж'еме*.

Следующая черта, на которую следует обратить внимание — это наличие определенного количества особенностей, относящихся к жемайтскому диалекту. Так, например, в тексте встречаются такие формы, как: с. 5 *кнингинес*, с. 17 *дарикет*, с. 17 *норет*, с. 24 *жодей*, с. 26 *ширдей*, с. 36 *прижодей*. Г. Субачюс объясняет наличие таких примеров следующим образом: „Литературного языка еще не было, тогда может быть, С. Микуцкий владел каким-нибудь диалектом? Родился он в Польше. Если научился литовскому языку в детстве, от окружающих его людей, то вряд ли это был какой-то другой говор, как не западно или южно-акштайтский. Из книг он так же, скорее всего, мог выучить традиционный средне-аукштайтский (не жемайтский) письменный язык. В таком случае, можно сказать, что существующие в тексте жемайтизмы, которые возникают на протяжении всей *Абецеле*, — дело рук Л. Ивинского, являющегося южным жемайтом, дунининкасом“ [Subačius 2004: 143].

Система С. Микуцкого и Л. Ивинского появилась первой среди остальных, существовавших в период запрета печати. Логично было бы предположить, что она (система) должна была стать единственно возможной, однако, этого не случилось, в чем мы убедимся, обратившись к другим кириллическим памятникам периода запрета печати.

**[Л. Ивинский] Евангелієсь антѣ недѣліос денунѣ ирѣ
китунѣ швенчу, куріос Ира скайтомасѣ бажниціосѣ
швентосѣ парѣ иштисусѣ метусѣ пагаль Рима иредима¹
(1865)**

Ранее уже было упомянуто, что Л. Ивинский составил текст *Евангелие* на основе книги Й. А. Гедрайтиса „*Naujas Įstatymas*“ (1816), а затем применил к нему кириллический шрифт, на что указывают сразу два историка А. Алекна и В. Меркис [Litvinskaitė 2005: 123–124]. Однако Д. Литвинскайте с ними не соглашается, полагая, что текст мог также редактировать Й. Кречинский, что она доказывает, сравнивая другие работы Л. Ивинского и Й. Кречинского.

Попробуем выяснить, какие особенности, встречающиеся в тексте, могут позволить предположить, что Й. Кречинский принимал участие в редактировании данного издания.

Итак, графемой <e> обозначались звуки:

1. [e]: с. 1 *несѣ*, с. 1 *мету*, с. 4 *меджю*, с. 4 *бетѣ*, с. 4 *лаукяме*, с. 5 *тречіосѣ*, с. 6 *ванденю*, с. 7 *метуосѣ*, с. 7 *калнелисѣ*, с. 8 *мотерими*, с. 9 *женкласѣ*, с. 11 *гивенимасѣ*.
2. Этой же графемой обозначался и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 9 *шендена*.
3. [ě]: с. 1 *калбеіо*, с. 1 *жямесѣ*, с. 1 *прасидедантѣ*, с. 4 *каралисте*, с. 4 *ишгирдесѣ*, с. 5 *прадеіо*, с. 7 *апсакинедамасѣ*, с. 8 *гиминесѣ*, с. 9 *жмонемсѣ*, с. 10 *кудикели*, с. 11 *ужгиме*, с. 11 *пріеме*, с. 11 *даве*, с. 11 *малонесѣ*.
4. дифтонг [ie]: с. 1 *куре*, с. 1 *емсѣ*, с. 2 *ане*, с. 6 *куре*, с. 7 *вешпатавимо*, с. 7 *шалесѣ*, с. 7 *Вешпатесѣ*, с. 7 *тесусѣ*, с. 8

---

¹ См. приложение II, рисунки 3 и 4.

*денось, с. 8 кеквенась, с. 9 нактесь, с. 9 емсь, с. 9 висемсь, с. 9
пеменись, с. 9 венась, с. 10 Дева, с. 10 деновь.*

Согласно Г. Субачюсу, такое широкое употребление графемы <е> Л. Ивинскому было несвойственно [Subačius 2004: 153].

Графема <ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [ĕ]: с. 1 *мѣнесіо*, с. 1 *дѣль*, с. 4 *регѣіоте*, с. 5 *регѣти*, с. 5 *вѣіо*, с. 6 *кодѣль*, с. 10 *регѣіо*, с. 11 *тикѣту*, с. 11 *регѣіоме*.

Из примеров можно увидеть, что графемой <ѣ> регулярно обозначался звук [ĕ] в формах глагола *регѣти*, в то время как в остальных глаголах подобного типа звук [ĕ] обозначался графемой <е>: с. 1 *калбеіо*, с. 5 *прадеіо*, с. 5 *калбети*, с. 10 *прадеіо*, с. 10 *стебеіось*.

2. [e] в основном, в формах местного падежа: заголовок: *Бажниціость Швентость*, с. 1 *дебесіть*, с. 4 *калинеть*, с. 5 *намуость*, с. 6 *гиріотъ*, с. 7 *пенкіоликтуость*, с. 7 *метуость*, с. 7 *книгость*, с. 8 *пракартъ*, с. 9 *тоъ*, с. 9 *шаліть*, с. 9 *деновь*, с. 10 *ширдіть*, с. 11 *тамсибестъ*, с. 11 *ямъ*.

3. Дифтонг [ie]: с. 1 *свѣто*, с. 6 *тѣмсь*, с. 7 *грѣку*, с. 7 *вѣтось*, с. 8 *свѣтась*, с. 8 *мѣсто*, с. 9 *апшѣвте*, с. 11 *швѣсибе*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок: с. 1 *атэйсь*, с. 1 *атэйнанти*, с. 4 *праэйсь*, с. 4 *эси*, с. 6 *Элііошюсь*, с. 6 *эми*, с. 10 *эйкиме*.

2. Звук [ĕ] после приставок: с. 4 *нуэень*, с. 5 *шизіоте*, с. 8 *шизіо*, с. 10 *атзіо*, с. 11 *атзіо*.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e], на письме изображаемый как {ia}: с. 4 *яу*, с. 4 *ямь*, с. 4 *лаукяме*, с. 4 *вайкціоя*, с. 5 *кяля*, с. 8 *несча*, с. 9 *туояусь*, с. 11 *швечя*, с. 11 *апшвечя*.
2. [e]: с. 1 *жянклай*, с. 1 *жямень*, с. 5 *кяля*, с. 7 *кятвиртось*, с. 7 *кялейсь*, с. 8 *жяме*, с. 9 *гярось*.

В отличие от текста С. П. Микуцкого, в алфавите, который был применен к данному тексту, существовала буква <ъ>, которая употреблялась в конце слов после твердых согласных: с. 1 *атэйсь*, с. 1 *дтъль*, с. 4 *нуэень*, с. 4 *ишгирдесь*, с. 5 *тречіось*, с. 7 *кятвиртось*, с. 8 *кеквенась*, с. 9 *нактесь*, с. 9 *емсь*, с. 9 *висемсь*, с. 9 *пеменись*, с. 9 *венась*, с. 11 *гивенимась*.

В тексте встречаются слова и с буквами <ф>, <х> и <ы>, которых не было в тексте *Абецеле*: с. 4 *фигос*, с. 6 *Фаризеушу*, с. 6 *Христусь*, с. 7 *Филлипась*, с. 10 *быво*. Однако случай с употреблением формы *быво* не совсем понятен, потому уже через два слова на этой же странице присутствует нормальная форма этого же глагола — *буво*, которая преимущественно и употребляется в остальном тексте.

Иначе в тексте передается и литовский дифтонг [uo]. Если у С. Микуцкого для этой цели существовала отдельная графема — <ô>, то автор данного перевода в этом случае пользуется двумя кириллическими символами — <у> и <о>: с. 1 *ануо*, с. 4 *ишдуода*, с. 6 *дуотумемь*, с. 7 *метуось*, с. 8 *нуогъ*, с. 9 *туояусь*, с. 10 *вартуодама*. Опираясь на сведения из статьи Г. Субачюса „Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1904 metais“, можно сказать, что, скорее всего такое обозначение дифтонга [uo] было нововведением Й. Кречинского, поскольку в календаре Л. Ивинского (1865) употреблялась та же графема для обозначения этого дифтонга, что и в *Абецеле*, <ô> [Subačius 2004: 154].

Авторы текста *Абецеле* не обращали при передаче литовского текста кириллицей внимания на долгие носовые звуки, поэтому на письме они обозначались как: <а>, <е>, <и>, <я>, <ю> или <у>. Автор данного

перевода же старался передать на письме носовой призвук гласного с помощью кириллического символа <н>, добавляя его к соответствующему гласному: с. 4 *савенсь*, с. 4 *кань*, с. 6 *савень*, с. 6 *сюнсти*, с. 6 *пажинстатъ*, с. 9 *антрунь*, с. 9 *мишюнь*, с. 10 *швидень*, с. 10 *тречюнь*, с. 11 *анань*. Однако подобным образом передавались далеко не все носовые гласные, встречающиеся в тексте. Как имена, стоящие в форме родительного падежа: с. 1 *гиминю*, с. 1 *ту*, с. 1 *дайкту*, с. 1 *юсу*, с. 4 *вису*, с. 4 *меджю*, с. 5 *манесь*, с. 6 *ванденю*, с. 7 *вирияю*, с. 7 *кунигу*, с. 8 *ужсирашиту*, с. 8 *пагимдиту*, с. 9 *пулку*, с. 9 *дангишку*, так и имена, стоящие в форме винительного падежа единственного числа: с. 5 *кури*, с. 5 *кяля*, с. 7 *виса*, с. 7 *шали*, с. 8 *мъста*, с. 8 *жяме*, с. 9 *линксмибе*, с. 9 *диде*, с. 9 *шендена*, с. 11 *швъсибе*, с. 11 *кеквена*, с. 11 *атейнанти* могли писаться как с использованием показателя носового призвука, так и без него. Не совсем понятен и логичен случай употребления графемы <н> для обозначения носового призвука гласного на с. 4 *савенсь*. В большинстве аналогичных случаев слово регулярно передавалась без использования данного символа: с. 5 *манесь*, с. 5 *тавесь*, с. 6 *манесь*, с. 9 *тавесь*.

Такое написание можно объяснить тем, что, Л. Ивинский был носителем жемайтского диалекта, а именно того его варианта, который был распространен „на территории юго-востока Жемайтии, где корни и ударные окончания с носовыми гласными до сих пор продолжают произносить как *ан*, *ен*. Вместо носовых звуков [ɯ], [i̯] южные жемайты произносят *ип*, *ин*. Однако это делается несистематично, по большей части лишь в корнях слов“ [Zinkevičius LKD 1994: 95–96].

Исходя из полученных данных, а также на основании исследований Д. Литвинскайте и Г. Субачюса, можно сказать, что, возможно, Й. Кречинский действительно принимал участие в редактировании *Евангелие*, так как в тексте встречается несколько черт, не характерных кириллической системе Л. Ивинского, но присутствовавших в текстах Й. Кречинского.

Как можно заметить, кириллическая система, примененная к данному тексту, довольно сильно отличалась от той, что была предложена за год до выхода в свет *Евангелие* С. П. Микуцким. Графемы <е> и <ѣ> стали выполнять больше функций, в то время как буква <э> не использовалась вообще. В конце слов после твердых согласных появился <ь>, иначе стал передаваться и дифтонг [uo].

**[Й. Кречинский] Трумпась катехизмась, аукщяусей
крашта виреснибей лійпантъ, парашитась дѣль каталику
януменесь, и мокслусь лейдамось¹ (1865)**

Как было упомянуто раньше, было трудно установить авторство перевода данного *Катехизиса*. Однако Г. Субачюсу удалось это сделать после анализа орфографических и лексических особенностей текста. Таким образом, скорее всего, переводил данный памятник, как и многие другие, Й. Кречинский, а редактировал его М. Валанчюс.

Итак, обратимся к орфографическим и лексическим особенностям, встречающимся в тексте.

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 3 *пенкесь*, с. 4 *геру*, с. 5 *несь*, с. 5 *герусь*, с. 5 *швента*, с. 6 *некуметь*, с. 6 *негаль*, с. 6 *гивенимонь*, с. 6 *септинись*, с. 6 *дешимти*, с. 7 *сеное*, с. 8 *беть*, с. 8 *нераше*, с. 10 *присикелима*, с. 11 *геряусись*.
2. Дифтонг [ie]: с. 3 *Веипати*, с. 3 *Девонь*, с. 3 *куре*, с. 4 *лежувю*, с. 6 *кеквенась*, с. 6 *некуметь*, с. 10 *венась*, с. 11 *Девшикась*.
3. [è]: с. 4 *апръйшке*, с. 5 *тейсибесь*, с. 5 *эсибесь*, с. 5 *тевась*, с. 7 *гадинесь*, с. 7 *жине*, с. 7 *моке*, с. 8 *нераше*, с. 8 *вель*, с. 9 *жямень*, с. 9 *гиме*, с. 9 *нумире*, с. 11 *тера*.

---

¹ См. приложение II, рисунки 5 и 6.

Графема <ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [ĕ]: с. 3 *туртьсъ*, с. 3 *тикѣимонъ*, с. 4 *тикѣти*, с. 4 *дѣль*, с. 5 *иштурѣтонъ*, с. 6 *грѣку*, с. 6 *тикѣтинасъ*, с. 6 *мокѣти*, с. 7 *тикѣимасъ*, с. 7 *турѣнтю*, с. 8 *нетурѣтумемъ*, с. 9 *стѣдъ*, с. 10 *дѣлко*, с. 10 *дѣлто*.
2. Дифтонга [ie]: с. 8 *тѣ*, с. 8 *нѣкуріосъ*, с. 8 *пастѣкеемъ*. Также, один раз, на странице 11, встречается написание *Дѣвасъ*, хотя на протяжении всего остального текста в этом слове с постоянством используется графема <е>: *Девасъ*.

Графемой <э> обозначался звук [e] в начале слова и после приставок: с. 3 *эльгимосъ*, с. 4 *элгесъ*, с. 5 *эсибесъ*, с. 9 *атэйсъ*, с. 10 *висурэнсонтенъ*.

Графема <я> служила для обозначения звука [e], который на письме изображался как {ia}. В этой позиции она употреблялась довольно регулярно: с. 8 *течяусъ*, с. 8 *паскяусъ*, с. 10 *индемняуси*, с. 11 *геряусисъ*, с. 11 *милаширдингяусисъ*, с. 11 *тейсингяусисъ*, с. 11 *швенчяусисъ*, с. 11 *крижяусъ*.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ь> : с. 3 *туртьсъ*, с. 3 *тикѣимонъ*, с. 8 *нетурѣтумемъ*, с. 8 *паскяусъ*, с. 9 *стѣдъ*, с. 11 *геряусисъ*, с. 10 *венасъ*.

В тексте встречаются случаи использования знака дефиса: с. 8 *норсъ-ги*, с. 9 *ужь-женгъ*. В первом случае автор, по-видимому, использует дефис для того, чтобы отделить частицу *-ги* от основного слова, по аналогии с русскими частицами *-ка*, *-таки*, *-либо*, *-нибудь*, *-то* и так далее. Второй случай употребления дефиса можно объяснить тем, что литовский язык не терпит геминат, поэтому автор текста решил таким образом избежать слитного написания приставки, кончающейся на звук [ж], и корня, начинающегося на тот же самый звук.

Для передачи дифтонга [uo] используются графемы <y> и <o>: с. 3 *падуотасъ*.

В тексте присутствуют графемы, которых в азбуке С. Микуцкого не было: <ы>, <х>. Графема <ы> употребляется два раза: с. 3 *высупирму*, с. 3 *высасъ*. По всей видимости, в данных примерах графема <ы> является лишь вариантом передачи краткого литовского звука [i]. Графема <х> используется в словах *Христус* и *Катехизмусъ* и в их формах: с. 3 *Катехизму*, с. 6 *Христаусъ*, с. 7 *Христусъ*.

В тексте присутствует большое число особенностей, которые позволяют с уверенностью сказать, что автор данного перевода владел и руководствовался при переводе именно тем вариантом литовского языка, который был распространен на территории Жемайтии. Например, это такие жемайтизмы, как: с. 3 *кнингонъ*, с. 3 *третесъ*, с. 4 *ширдей*, с. 8 *жодюсъ*, с. 8 *прадіосъ*, с. 8 *кнингоси*, с. 11 *жодю*.

Кроме того, следует обратить внимание и на манеру автора текста передавать носовые гласные [a], [e] графемами <a>, <e> + <н>: с. 3 *конъ*, с. 3 *кнингонъ*, с. 4 *тикронъ*, с. 4 *тейсибенъ*, с. 5 *венонъ*, с. 6 *гивенимонъ*, с. 7 *пасакоимонъ*, с. 7 *тикъимонъ*, с. 8 *падавимонъ*, с. 9 *судеимонъ*, с. 9 *Двасень*, с. 9 *Швентонъ*, с. 10 *бажниченъ*, с. 10 *висурэнсонтенъ*, с. 10 *амжинонъ*, с. 11 *висконъ*, с. 11 *женклонъ*. Из примеров видно, что, в основном, подобным образом передавались слова, стоящие в винительном падеже, либо финали действительных причастий прошедшего времени (с. 10 *висурэнсонтенъ*), которые не являются ударными, а потому данный случай не похож на то, что мы встречали раньше в тексте „Евангелієсь антъ недѣліос денунъ ирь китунъ швенчу, куріос Ира скайтомасъ бажниціосъ швентосѣ паръ иштисусъ метусъ пагалъ Рима иредима“. Появление в окончаниях *o* вместо *a* объясняется тем, что у большинства жемайтов первый компонент дифтонгического сочетания *an* сужается до *on*. Появляющиеся же носовые гласные звуки в родительном падеже автор

текста передает с помощью графем <у> или <ю>: с. 3 *Каталику*, с. 4 *геру*, с. 4 *дарбу*, с. 5 *ангауту*, с. 6 *Анаштолу*, с. 6 *Тикю*, с. 6 *присакиму*, с. 7 *жмоню*, с. 7 *акису*, с. 7 *мусу*, с. 7 *туртънтю*, с. 9 *нумирусю*. Без добавления к графемам, обозначающим гласные звуки, буквы <н> писались и формы сослагательного наклонения: с. 6 *галету*, с. 7 *иквету*, с. 7 *ирашиту*.

Данное издание отличается от двух предыдущих употреблением графем <э> и <я>. В нем, как и в тексте *Евангелие*, присутствуют графемы <ь>, <ы>, <ф>, <х>. Иначе, чем в *Абецеле*, обозначается дифтонг [uo].

**[Л. Ивинский, Й. Кречинский] Сенась аукса алторюсь,
арба Суринкимась ивайрю малдунь ирь гѣсмюнь,
девабаймингамъ каталикуй высокюнсы атсыэимунсы
рейкалингу...¹ (1866)**

Известно, что данный текст подготовили Т. Юзумас и Й. Рачкаускис. Л. Ивинский же применил к литовскому изданию 1864 года, выпущенному еще на латинице, кириллический шрифт. Затем получившийся перевод редактировал Й. Кречинский [Subačius 2011: 89].

Обратимся к тексту *Алторюса*, чтобы выяснить, какие орфографические и лексические особенности в нем встречаются.

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 7 *метай*, с. 7 *тречюс*, с. 7 *кетвирта*, с. 95 *гивена*, с. 113 *гивеныма*, с. 114 *сенатвесь*, с. 140 *ненорь*, с. 140 *шнекъ*, с. 141 *потеру*, с. 192 *тегуль*, с. 193 *стебуклинга*, с. 288 *сесересь*, с. 289 *неапланкяу*, с. 289 *регтъяу*.
2. [è]: с. 7 *гягужесь*, с. 90 *малонесь*, с. 90 *кальбеты*, с. 91 *нумыре*, с. 91 *гарбесь*, с. 92 *гярибе*, с. 92 *сутверима*, с. 93 *майлесь*, с. 94

---

¹ См. приложение II, рисунки 7 и 8.

паваргелись, с. 95 *жямень*, с. 115 *галедамсь*, с. 115 *непрадекъ*, с. 123 *теву*, с. 123 *милеты*, с. 140 *галетумъ*, с. 193 *мыслесь*.

3. Дифтонг [ie]: с. 7 *кеквена*, с. 7 *дена*, с. 7 *лепасъ*, с. 90 *Деве*, с. 92 *ширдес*, с. 95 *Вешпате*, с. 95 *венутини*, с. 115 *кекъ*, с. 192 *далесь*, с. 288 *гесме*, с. 288 *куре*, с. 289 *шендена*.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 141 *танкей*, с. 289 *шендена*.

Графема <Ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [ĕ]: с. 7 *мѣнесю*, с. 91 *дѣль*, с. 91 *тыкѣима*, с. 92 *регѣты*, с. 92 *прижадѣей*, с. 96 *бѣгу*, с. 113 *нетурѣтумъ*, с. 113 *сумнѣнесъ*, с. 115 *нѣра*, с. 115 *жадѣты*, с. 123 *турѣты*, с. 123 *ѣдъ*, с. 141 *тингѣимась*, с. 193 *норѣей*, с. 288 *турѣе*, с. 288 *норѣе*, с. 289 *аптурѣима*.
2. Дифтонга [ie]: с. 7 *шѣнпѣютисъ*, с. 7 *стѣкисъ*, с. 90 *тѣмсь*, с. 91 *грѣкусъ*, с. 94 *шѣвѣсибесь*, с. 95 *апшѣвѣстумей*, с. 97 *сѣвѣта*, с. 122 *шѣна*, с. 122 *тѣ*, с. 122 *рѣшутавыма*, с. 192 *шѣвѣсе*.
3. [e] в формах местного падежа и в суффиксах сравнительной степени прилагательных: с. 91 *дангуть*, с. 112 *лиготь*, с. 115 *тыкрѣснисъ*, с. 115 *мажѣсны*, с. 115 *гярѣсны*, с. 123 *акисъ*.
Однако в большинстве форм местного падежа, все-таки, пишется графема <e>.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок: с. 90 *эсамъ*, с. 92 *эси*, с. 94 *эйну*, с. 96 *атэйту*, с. 112 *эйдамы*, с. 115 *эйдамсь*, с. 123 *апсыэйты*, с. 141 *эйты*, с. 288 *эсанчюсь*, с. 289 *эриктейсь*, с. 289 *эйкемъ*.

2. Звук [ɛ̃] после приставок: с. 90 *атэюсь*, с. 112 *праэюсесь*, с. 114 *атэ*, с. 114 *праэюсіое*, с. 115 *праэюсіоя*, с. 140 *сусиэимусь*.
3. Звук [а]: с. 7 *васэрись*.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e], который на письме изображался как {ia}: с. 90 *лабьяусей*, с. 91 *Швенчяусесь*, с. 92 *ауццяусе*, с. 92 *гяряусись*, с. 93 *дыджяусей*, с. 95 *бярурібесь*, с. 115 *жямьяу*, с. 122 *піяунь*, с. 122 *явусь*, с. 122 *кярмошяусь*, с. 122 *атважявесь*, с. 193 *миляусись*, с. 193 *малоняусись*, с. 289 *неапланкяу*.
2. [e]: с. 7 *кятверю*, с. 7 *гягужесь*, с. 92 *гярибе*, с. 92 *гяряусись*, с. 95 *нусижяминиму*, с. 112 *гяра*, с. 112 *пусыжямынима*, с. 114 *гярай*, с. 115 *жямьяу*, с. 122 *кяли*, с. 122 *кярмошяусь*, с. 192 *жямесь*, с. 288 *гярадтьюсь*.
3. [ɛ̃]: с. 141 *гярима*. Данный пример довольно необычен, так как ни в одном из ранее проанализированных текстов подобного случая употребления графемы <я> не встречалось. Однако на этой же странице встречается и другое написание данного слова: *апсыгерима*. В данном случае обозначение звука [ɛ̃] графемой <e> вполне нормально.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ь> : с. 90 *эсамь*, с. 91 *Швенчяусесь*, с. 92 *гяряусись*, с. 94 *швтьсибесь*, с. 113 *нетуртьтумь*, с. 113 *сумнтьнесь*, с. 123 *тьдъ*, с. 141 *тингтьимась*.

Для передачи дифтонга [uo] используются графемы <у> и <о>: с. 7 *груодись*, с. 91 *дуоди*, с. 93 *придуокъ*, с. 112 *нуог*, с. 114 *атсыдуоты*, с. 122 *неатидуодъ*, с. 123 *дуона*, с. 192 *дуокъ*.

В тексте присутствуют графема <ф>, которой не было в азбуке С. Микуцкого и Л. Ивинского: с. 192 *аферавое*. Отличительной особенностью данного текста является частое использование графемы <ы>. Она употребляется наряду с буквой <и> для обозначения краткого

звука [i]: с. 90 *кальбеты*, с. 91 *тыкю*, с. 91 *высась*, с. 91 *нумыре*, с. 91 *тавымь*, с. 93 *дыдзяусей*, с. 93 *пасытайситы*, с. 93 *ишсымокеты*, с. 95 *паликты*, с. 95 *пріимты*, с. 112 *панауіинты*, с. 113 *высутыны*, с. 114 *пасымельдысь*, с. 115 *сунешты*. Для обозначения долгого звука [i], а также в приставках чаще использовалась графема <и>: с. 115 *падариты*, с. 115 *приминты*, с. 115 *падалиты*, с. 122 *присакима*, с. 122 *ишклаусима*, с. 123 *клауситы*, с. 140 *ишгерты*, с. 141 *присытайситы*, с. 192 *апипяуститась*.

В большинстве случаев Л. Ивинский и Й. Кречинский, как и авторы *Абецеле*, не обращали внимания на долгие носовые гласные в тех позициях, где они должны существовать, и заменяли их графемами <a>, <e>, <и>, <у>, <ю>. Но иногда, как и в тексте „Трумпась катехизмась, аукцяусей крашта виреснибей лійпанть, парашитась дѣль каталику яунуменесь, и мокслусь лейдамось“, можно увидеть, что носовой гласный передавался как гласный + *n*: на титульном листе — *малдунь, гѣсмюнь, нѣкурюнь*, с. 93 *тавенсь*, с. 93 *маненсь*, с. 95 *куринь*, с. 95 *тавенсь*, с. 97 *курень*, с. 97 *маненсь*, с. 97 *гярунь*, с. 97 *дарбунь*, с. 113 *тань*, с. 141 *кытунь*. Данный случай очень похож на то, что мы встречали в тексте „Евангеліесь антѣ недѣліос денунь ирѣ китунь швенчю, куріос Ира скайтомась бажниціось швентосѣ парѣ иштисусь метусь пагаль Рима иредима“, где передача носового гласного с помощью графемы <n> объяснялась владением Л. Ивинским того варианта литовского языка, который был распространен на территории юго-востока Жемайтии, где носовые звуки произносились как *ан, ен, ин, юн* или *ун*.

Сравнив данный текст с *Катехизисом* и *Евангеле*, обнаруживается много общего с этими двумя памятниками. Можно сказать, что кириллическая система, примененная к данному памятнику, включает в себя две азбуки: Й. Кречинского и Л. Ивинского, каждая из которых в отдельности представлена в *Катехизисе* и *Евангелие*.

**[Й. Кречинский] Актась ирь потерей, курюсь кась дена
туриме кальбети, о лабяусей атэйнантъ и прота, кеквенамѣ
смерчіо препуолѣ приемантъ Швентусъ Сакрамэнтусъ ирь
деномись Швентомись¹ (1867)**

Известно, что данное издание Й. Кречинским было переписано с латинского его варианта, который ранее был подготовлен Й. Рачкауским в 1861 году [Subačius 2011: 88].

В данном тексте графемой <e> обозначались звуки:

1. [e]: с. 3 *теве*, с. 4 *мотеру*, с. 5 *нуженге*, с. 5 *жемесь*, с. 5 *швентонъ*, с. 5 *тречась*, с. 5 *кетвиртась*, с. 6 *шеитась*, с. 7 *женклай*, с. 8 *десперацыя*, с. 11 *мельстись*, с. 12 *пекла*, с. 17 *септини*, с. 17 *геримбе*, с. 19 *гивенима*, с. 19 *гивениме*, с. 21 *ритметини*, с. 22 *нусижеминесь*, с. 22 *герай*, с. 22 *висуметь*.
2. [è]: с. 1 *кальбети*, с. 3 *тева*, с. 4 *жямесь*, с. 6 *мотересь*, с. 7 *жмонесь*, с. 7 *прижадеимась*, с. 8 *пуйкибе*, с. 8. *дидисте*, с. 8 *атверима*, с. 9 *ужтилеимась*, с. 12 *каралисте*, с. 12 *байме*, с. 12 *стиприбе*, с. 19 *мейле*, с. 20 *декавою*.
3. Дифтонг [ie]: с. 1 *деномись*, с. 1 *кеквенамъ*, с. 3 *Веипатесь*, с. 4 *Дева*, с. 7 *ширдесь*, с. 9 *венась*, с. 12 *куре*, с. 18 *вильтесь*.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 4 *шендена*, с. 21 *шень*.

Графема <ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [è]: с. 3 *тикъти*, с. 3 *аптуръима*, с. 5 *туръкъ*, с. 8 *аптуръти*, с. 9 *ужтуръимась*, с. 9 *регъимась*, с. 10 *дъль*, с. 10 *тикъимась*, с. 10 *ужситуръимась*, с. 12 *аптуръсь*, с. 23 *мънеси*. Гораздо чаще звук [è] обозначался графемой <e>.

---

¹ См. приложение II, рисунки 9 и 10.

2. [e] в формах местного падежа: с. 1 *кеквенамъ*, с. 3 *дангуость*, с. 7 *деность*, с. 7 *ужсакитость*, с. 7 *швентоъ*, с. 17 *дангуъ*, с. 18 *милаширдистеъ*, с. 23 *мътуость*.
3. [e] в корне слова: с. 5 *свѣтиму*, с. 6 *свѣтимотераукъ*, с. 23 *мътуость*.
4. Дифтонга [ie]: с. 8 *грѣку*, с. 12 *парсѣкіоима*, с. 20 *вѣтасъ*, с. 21 *швѣсибе*, с. 21 *апшвѣскъ*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок: с. 1 *атѣйнантъ*, с. 3 *эси*, с. 3 *атѣйкъ*, с. 5 *висурэсонтенъ*, с. 10 *эсусъ*, с. 16 *эси*, с. 23 *эсми*, с. 23 *эсонсъ*.
2. Звук [e] в корне слова: с. 1 *Сакрамэнтусъ*, с. 4 *свѣйка*, с. 4 *амэнь*, с. 11 *папэнети*, с. 12 *вэркя*, с. 18 *вэрчяусисъ*, с. 22 *свѣйкасъ*. Подобная передача звука [e], по всей видимости, зависела от манеры произношения этих слов в родном говоре переводчика.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e]: с. 4 *жямесъ*, с. 12 *жямень* (однако более частотный вариант написания данного слова — *жемесъ*), с. 18 *гяру* (корень этого слова также, как и в предыдущем случае, чаще изображается с графемой <e>: *герибѣ*, *герай*).
2. [e], который на письме изображался как {ia}: с. 4 *Марія*, с. 5 *ишведжяу*, с. 7 *тречя*, с. 7 *даугяусъ*, с. 8 *десперацыя*, с. 9 *паяутимай*, с. 10 *крижяусъ*, с. 10 *диджяусесъ*, с. 12 *вэркя*, с. 16 *швенчяусъ*, с. 17 *крауясъ*, с. 17 *бажнича*, с. 18 *милаширдингяусисъ*, с. 18 *вэрчяусисъ*, с. 20 *лабьяусей*.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ь> : с. 1 *Сакрамэнтусъ*, с. 4 *жямесъ*, с. 6 *мотересъ*, с. 7 *жмонесъ*, с. 7 *прижадеимасъ*, с. 7 *ширдесъ*, с. 9 *венасъ*, с. 18 *вэрчяусисъ*, с. 22 *висуметь*.

Для передачи дифтонга [uo] используются графемы <y> и <o>: с. 3 *дангуость*, с. 4 *дуонась*, с. 4 *нуогъ*, с. 17 *падуода*, с. 19 *придуокъ*.

В тексте не встречается графем <ф>, <х>. Один раз употреблена графема <ы>: с. 8 *десперацья*. Видимо, для того, чтобы показать, что звук [ц] здесь твердый, автор вместо букв <и> и <i>, которые писались, если предшествующий согласный звук был мягким, употребил графему <ы>.

По большей части, автор перевода не обращал внимания на носовые гласные, обозначая их лишь графемами гласных звуков <a>, <e>, <и>, <у>, <ю>. Но иногда, как и в тексте „Трумпасъ катехизмасъ, аукцяусей крашта виреснибей лійпантъ, парашитасъ дѣль каталику яунуменесь, и мокслусъ лейдамось“, можно увидеть, что носовой гласный передавался как гласный + н: с. 5 *двасень*, с. 5 *швентонъ*, с. 5 *денонъ*, с. 5 *мотинонъ*, с. 18 *тавенсъ* (но с. 19 *манесь*), с. 19 *непабайгтонъ*, с. 19 *герибень*, с. 23 *дайктонъ*, с. 23 *тевишкенъ*.

Не смотря на то, что данный текст был переведен на кириллический шрифт Й. Кречинским, в нем имеется ряд особенностей, которые не были свойственны *Катехизису* 1865 года или его совместной с Л. Ивинским работе *Аукса алторюс* 1866 года. А именно: несколько иные функции выполняли графемы <ѣ>, <э> и <я>.

[Й. Кречинский] Русишкai-летувишкacисъ календopюсъ антъ 1868 (прибувимасъ) мѣту¹ (1867)

Данный календарь был подготовлен и переведен Й. Кречинским лично.

Чтобы выявить орфографические и лексические особенности кириллической системы Й. Кречинского в данном издании, обратимся к тексту.

---

¹ См. приложение II, рисунки 11 и 12.

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 23 *метай*, с. 25 *яункснїоя*, с. 28 *шешта*, с. 28 *куомень*, с. 28 *девинта*, с. 28 *двидешимтъ*, с. 39 *месь*, с. 39 *атнешь*, с. 39 *сену*, с. 39 *пустречя*, с. 39 *регъти*, с. 39 *аптекантъ*, с. 39 *медусь*, с. 39 *иштекъ*, с. 43 *сеновесь*, с. 43 *меджя*, с. 43 *сесуо*, с. 45 *женкла*, с. 45 *гивенимась*, с. 45 *ишвести*.
2. [ɛ]: с. 23 *гъсмесь*, с. 23 *ужсиемимай*, с. 25 *Швенчяусесь*, с. 27 *виреснибесь*, с. 28 *паситикети*, с. 28 *пригулеима*, с. 28 *гавенеть*, с. 31 *гягужесь*, с. 31 *реда*, с. 39 *пасаулесь*, с. 39 *судета*, с. 39 *саулесь*, с. 39 *жямель*, с. 45 *туреть*.
3. Дифтонг [ie]: с. 23 *Вешпата*, с. 27 *деномись*, с. 27 *некуръ*, с. 31 *кекъ*, с. 31 *вена*, с. 31 *атминтесь*, с. 39 *токе*, с. 39 *летаусь*, с. 39 *немеруота*, с. 43 *решутиня*, с. 45 *дену*, с. 45 *кутеть*.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 23 *ауцяусей*, с. 27 *лабяусей*, с. 28 *лигей*, с. 45 *лабяусей*, с. 45 *коесь*, с. 45 *сункей*, с. 45 *ей*.

Графема <ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [ɛ]: с. 27 *нѣра*, с. 27 *ишѣямантъ*, с. 28 *дѣль*, с. 39 *мѣнуо*, с. 39 *регъти*, с. 39 *упѣсь*, с. 45 *ѣдѣю*, с. 45 *дѣлей*.
2. [e] в корне слова: с. 23 *мѣта*, с. 43 *свѣтимунсюсь*, с. 45 *мѣтайсь*, с. 45 *мѣсти*.
3. [e] в формах местного падежа: с. 23 *деность*, с. 25 *книгоѣ*, с. 27 *антрамѣ*, с. 27 *парскиримѣ*, с. 28 *деность*, с. 28 *тоѣ*, с. 28 *двѣликтоѣ*, с. 28 *швентеѣ*, с. 28 *гавенестѣ*, с. 28 *дидѣіоіоѣ*, с. 31 *швентамѣ*, с. 39 *далеѣ*, с. 39 *тоѣ*, с. 39 *камѣ*.
4. Дифтонга [ie]: с. 23 *гъсмесь*, с. 27 *вѣтась*, с. 39 *нѣкурусь*, с. 39 *апшвѣтъ*, с. 43 *мѣстанѣ*, с. 45 *вѣнокѣ*, с. 45 *двѣюнѣ*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок: с. 28 *нуэйти*, с. 28 *эйту*, с. 39 *парэйнъ*, с. 39 *эйломисъ*, с. 39 *эсантемъ*, с. 39 *эжяру*, с. 39 *эжярунсна*.
2. Звук [e] в корне слова: с. 28 *васэря*, с. 31 *сэредосъ*, с. 45 *свэйкасъ*.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e]: с. 27 *паржянгиму*, с. 31 *гягужесъ*, с. 39 *жяме*, с. 39 *драугя*, с. 39 *эжяру*, с. 39 *эжярунсна*, с. 39 *жямишкой*, с. 43 *жямчюгай*.
2. [e], который на письме изображался как {ia}: с. 23 *аукцяусей*, с. 25 *яунесніоя*, с. 25 *швенчяусесъ*, с. 27 *лабьяусей*, с. 28 *смаркяустый*, с. 28 *императоряусъ*, с. 31 *диджя*, с. 31 *крижяусъ*, с. 39 *диджяусіоіи*, с. 39 *нуокеляуентисъ*, с. 45 *лабьяусей*.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ъ> : с. 27 *иштъямантъ*, с. 27 *деномисъ*, с. 27 *некуръ*, с. 28 *дтъль*, с. 31 *кекъ*, с. 31 *гягужесъ*, с. 31 *сэредосъ*, с. 39 *уптъсь*, с. 39 *летаусъ*, с. 43 *свѣтимуносюсь*, с. 45 *мтътайсь*, с. 45 *свэйкасъ*.

Для передачи дифтонга *ио* используются графемы <у> и <о>: с. 23 *нуокелта*, с. 23 *нуогъ*, с. 28 *куошетъ*, с. 39 *нуокеляуентисъ*, с. 39 *немеруота*, с. 39 *мтънуо*, с. 43 *сесуо*, с. 43 *падуоту*.

В тексте один раз встречается графема <ф>: с. 25 *афэравони*.

В данном тексте Й. Кречинский посчитал нужным обозначать носовые звуки в словах, стоящих в родительном падеже множественного числа с помощью графем, обозначающих гласные звуки + *н*: с. 23 *китунъ*, с. 23 *свѣтскунъ*, , с. 27 *абелнунъ*, с. 27 *курюнъ*, с. 39 *дебесунъ*, с. 39 *висунъ*, с. 39 *шалюнъ*, с. 39 *тріюнъ*, с. 39 *ипатингунъ*, с. 39 *далюнъ*, с. 43 *дарбунъ*, с. 43 *тунъ*, с. 45 *двѣтюнъ*. Однако родительный падеж может обозначаться и при помощи только графем, изображающих гласные звуки: с. 23 *мтъту*,

с. 23 *швенчу*, с. 23 *укишку*, с. 23 *атсипровинеіуму*, с. 23 *мокслу*, с. 27 *содишкю*, с. 28 *двару*, с. 39 *мусу*, с. 39 *дидуму*, с. 39 *юрю*, с. 45 *дену*. Окончание слов, стоящих в винительном падеже, подобно случаю с родительным падежом, может изображаться как с помощью двух графем, гласный + *н*, так и с помощью только графемы гласного звука: с. 28 *виса*, с. 39 *куринъ*, с. 39 *жяме*, с. 43 *сенанъ*, с. 43 *мъстанъ*, с. 43 *тонъ*, с. 43 *туртибе*, с. 45 *женкла*, с. 45 *танъ*, с. 45 *тоця*, с. 45 *пашера*.

Сравнивая данное издание с текстом этого же года *Актас ир потерей*, можно заметить, что автор обоих памятников, Й. Кречинский, использует одну и ту же кириллическую систему для передачи литовского языка, что можно ясно наблюдать в таблице № 1 первого приложения данной работы.

[И. Кречинский] Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку...¹ (1867)

В начале книги, на третьей странице, приводится алфавит, который включает в себя 36 букв: *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѳ, э, ю, я, ѿ, в*. Отличным от алфавита С. Микуцкого его делает наличие букв *ф, х, ы, фита* и *ижица*, которых не было в первой азбуке.

Итак, графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 6 *бетъ*, с. 7 *треча*, с. 7 *дешинесь*, с. 7 *келесь*, с. 8 *мотересь*, с. 9 *месъ*, с. 11 *непретелись*, с. 11 *герадѣистась*, с. 11 *гивенима*, с. 11 *ивесту*, с. 11 *падеду*, с. 12 *дидеснесъ*, с. 12 *герибы*, с. 14 *привести*, с. 15 *гивени*, с. 15 *непатепту*, с. 16 *ванденю*, с. 17 *стебуклингусъ*, с. 17 *мельстисъ*.

---

¹ См. приложение II, рисунки 13 и 14.

2. [ɛ̃]: с. 6 *жямесь*, с. 7 *нуженге*, с. 8 *кальбекъ*, с. 8 *мотересь*, с. 8 *милекъ*, с. 8 *жмонесь*, с. 8 *папэнеты*, с. 9 *стыбрибе*, с. 10 *гарбесь*, с. 10 *твиртибе*, с. 10 *галетумемъ*, с. 11 *падеима*, с. 12 *мейлесъ*, с. 12 *гарбе*, с. 17 *приемима*.
3. Дифтонг [ie]: с. 6 *дену*, с. 7 *венутини*, с. 9 *персекойимась*, с. 11 *мего*, с. 11 *венной*, с. 12 *венибей*, с. 12 *ширдесь*, с. 12 *текъ*, с. 13 *Деве*, с. 13 *шендена*, с. 15 *вешкелюсь*, с. 17 *кеквену*.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 13 *шендена*.

Графема <Ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [ɛ̃]: с. 7 *стыдъ*, с. 11 *аптуръю*, с. 11 *гръкайсь*, с. 11 *герадъистась*, с. 12 *дълъ*, с. 12 *неръгиму*, с. 14 *туръту*, с. 15 *пъдась*.
2. Дифтонга [ie]: с. 10 *вистъмсь*, с. 10 *швъсты*, с. 17 *свъта*.
3. [e]: с. 7 *свътиму*, с. 7 *свътимотераукъ*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок: с. 6 *эси*, с. 7 *атэйти*, с. 7 *висуръ-эсанчю*, с. 7 *эсму*, с. 10 *неатэиту*, с. 14 *паръэитуми*, с. 15 *ишэинантъ*, с. 15 *атэйдась*, с. 15 *эйсю*, с. 15 *эйти*, с. 15 *эйдась*, с. 16 *нуэиту*.
2. Звук [ɛ̃] после приставок: с. 16 *ишэюси*.
3. Звук [e] в корне слова: с. 6 *амэнь*, с. 6 *свэйка*, с. 8 *папэнети*, с. 9 *вэркимась*, с. 10 *вэртайсь*, с. 11 *сакрамэнтайсь*, с. 16 *пасвэйкину*.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e], который на письме изображался как {ia}: с. 7 *нукрижявотась*, с. 7 *тречя*, с. 8 *яучя*, с. 9 *крауясь*, с. 10 *гимдитоямсь*, с. 10 *дэжяугсма*, с. 10 *гимдитоямсь*, с. 11 *ауцяусіой*, с. 11 *пажсейдэжяу*, с. 13 *Марія*, с. 14 *висока*.

2. [e]: с. 6 *жямень*, с. 12 *жяме*.

3. [ɛ]: с. 10 *шятонась*, с. 10 *шятонишку*.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ъ>: с. 6 *амэнь*, с. 7 *нукрижявотась*, с. 9 *крауясь*, с. 10 *гимдитоямсь*, с. 10 *гимдитоямсь*, с. 11 *сакрамэнтайсь*, с. 15 *ишэйнанть*, с. 15 *атэйдамсь*, с. 15 *вешкелюсь*, с. 17 *мельстись*.

Для передачи дифтонга *ио* используются графемы <у> и <о>: с. 6 *дуонась*, с. 6 *дуокъ*, с. 8 *нуогусь*, с. 10 *нуогъ*, с. 11 *атсидуоду*, с. 12 *пуолу*, с. 13 *препуолу*, с. 15 *дуодамсь*, с. 16 *атсидуоду*, с. 17 *дуотась*.

В данном тексте Й. Кречинский чаще всего не обращает внимания на носовые гласные, передавая их с помощью только лишь графем гласных звуков. Однако иногда в тексте встречаются примеры иного написания носовых гласных: гласный + *н*: с. 6 *швенскесь*, с. 9 *атсюнскъ*, с. 10 *курень*, с. 15 *маненсь* (но: с. 11 *манесь*, с. 14 *тавесь*, с. 15 *манесь*), с. 15 *пашвенстусь*.

Буква <ы> употребляется наряду с буквой *и* для обозначения краткого звука [i]: с. 8 *апланкиты*, с. 8 *приимты*, с. 8 *дариты*, с. 8 *палайдоты*, с. 9 *стыприбе*, с. 10 *ужлайкиты*, с. 10 *швтъсты*, с. 10 *атверты*, с. 10 *ужмикты*, с. 11 *тыкрай*, с. 12 *аукцяусы*, с. 15 *тайситы*. Можно заметить тенденцию использования буквы <ы> для обозначения краткого звука [i] в словах, где есть еще и долгий звук [i], который, в основном, обозначался графемой <и>: с. 8 *апланкиты*, с. 8 *дариты*, с. 9 *стыприбе*, с. 10 *ужлайкиты*, с. 15 *тайситы*. Однако в таких словах также могло писаться и две графемы <и> для обозначения обеих гласных: с. 9 *кунигисте*, с. 9 *милаширдисте*, с. 9 *стиприбесь*, с. 10 *твиртибе*, с. 11 *гивенима*, с. 15 *пиктибесь*. Если же такого противопоставления нет, то в слове, независимо от долготы звука [i], чаще всего писалась буква <и>: с. 6 *пагундима*, с. 6 *пикта*, с. 9 *убагисте*, с. 9 *ширдесь*, с. 9 *тейсибесь*, с. 10 *мокитоямсь*, с. 11 *припуолу*, с. 12 *венибей*. Графемой <ы> также иногда

обозначался и звук [ɛ̃] в конце слова: с. 9 *баймы*, с. 9 *рамибы*, с. 15 *пиктибы*.

Несмотря на то, что данное издание вышло в один год (1867) с двумя предыдущими проанализированными нами текстами, в нем имеется несколько моментов, отличающих его от двух изданий Й. Кречинского того же. С одной стороны — это более узкое употребление графемы <Ѣ>, с другой — появление дополнительного способа для изображения звука [ɛ̃].

Ишгульдимай швенту еванелию антъ вису недѣлю ирѣ швенчу иштису мету¹ (1869)

Неясно, кто занимался переводом данного текста на кириллицу. Известно лишь, что первая часть была переведена Й. К. Рачкаускисом, вторая часть принадлежала перу К. Касакаускиса, О. Праняускас перевел третью часть данного издания с польского языка на литовский, а над четвертой частью работали сразу три переводчика: Й. Довидайтис, Р. Стакенас и А. Береснявичюс [LTSR b-ja kn. 2 1985: 240–241].

Чтобы разобраться в авторстве перевода, обратимся к тексту.

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 1 *сену*, с. 8 *бетъ*, с. 8 *мотеристесь*, с. 8 *несъ*, с. 9 *трече*, с. 14 *мету*, с. 27 *атмескъ*, с. 30 *нусыжемьнима*, с. 31 *гивениме*, с. 38 *жемтьсь*, с. 39 *присыстебъту*, с. 46 *стебуклингайсь*, с. 47 *прадедъ*, с. 47 *сувести*, с. 50 *яутресны*, с. 50 *атиде*, с. 88 *тегуль*, с. 89 *атжвельги*, с. 133 *мелагисте*, с. 133 *виреснибе*, с. 226 *саулетекъ*, с. 323 *атведи*.
2. [ɛ̃]: с. 1 *кѣнтеима*, с. 8 *нумилеты*, с. 8 *гавеима*, с. 9 *тыкеима*, с. 14 *дорибе*, с. 14 *жмонесь*, с. 15 *кудикистесь*, с. 15 *кантрибе*, с. 26 *неужтурътумемъ*, с. 27 *турету*, с. 30 *милашырдистесь*,

---

¹ См. приложение II, рисунки 15 и 16.

с. 49 *лаймесь*, с. 51 *жъме*, с. 88 *тейсибесь*, с. 133 *баготистесь*.

3. Дифтонг [ie] иногда обозначается графемой <e> в словах *Веипатсь* и *Девсь*, а также в их формах: с. 9 *Веипатсь*, с. 15 *Веипатъсь*, с. 26 *Веипатсь*, с. 49 *Дева*. В остальных случаях для изображения дифтонга [ie] используется графема <ѣ>. Данная черта может считаться отличительной, так как в проанализированных ранее текстах дифтонг [ie] обозначался с равной долей вероятности, как графемой <e>, так и графемой <ѣ>.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 1 *шендъна*, с. 9 *трече*, с. 30 *пырмайсейсь*, с. 31 *паскутынейсь*, с. 38 *кълесь*, с. 38 *жоджейсь*, с. 39 *бурейсь*, с. 227 *аштрей*, с. 322 *куреме*.

Графема <ѣ> служила для обозначения звуков:

1. [è]: с. 1 *прасидъсь*, с. 1 *въль*, с. 8 *тодъль*, с. 8 *нъра*, с. 8 *наваргълю*, с. 9 *нетикъима*, с. 14 *стовъту*, с. 14 *матъль*, с. 15 *гъриби*, с. 26 *ужмокъты*, с. 27 *гърадъистесь*, с. 30 *регъиомъ*, с. 31 *прильмъ*, с. 38 *жемъсь*, с. 46 *апкальбъту*, с. 46 *норъту*, с. 47 *съкла*, с. 88 *аптуръима*.
2. [e]: с. 1 *кънтеима*, с. 8 *гърунь*, с. 8 *гъльбеима*, с. 14 *къли*, с. 14 *яунистеть*, с. 15 *смаркъсне*, с. 26 *аткъришима*, с. 30 *гърай*, с. 30 *бажничіотъ*, с. 38 *кълесь*, с. 51 *жъме*, с. 51 *атсыкъльты*, с. 133 *крауъ*, с. 227 *кънтъты*, с. 227 *анотъ*, с. 322 *кътурысь*.
3. Дифтонга [ie]: с. 1 *гъдоимай*, с. 1 *шендъна*, с. 1 *свъта*, с. 8 *дъвабайминга*, с. 9 *Дъвсь*, с. 14 *Въшпати*, с. 14 *дъна*, с. 31

пантъкинты, с. 39 *мъсту*, с. 47 *шырдъсь*, с. 49 *въна*, с. 51
бедъвистесь, с. 133 *вътась*, с. 323 *нъка*.

4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 14 *смарктьй*, с. 26 *сунктьй*, с. 31 *чь*, с. 46 *клауситотъмсь*, с. 49 *вейктьй*, с. 50 *дыджь*, с. 226 *калавитьсь*, с. 227 *эсанчь*, с. 227 *штъндъна*.

Как можно увидеть из примеров, в данном тексте графема <нъ> употребляется гораздо чаще, чем в аналогичных случаях в других текстах, являясь к тому же практически единственным средством обозначения дифтонга [ie], чего нельзя сказать про другие ранее нами проанализированные тексты. Дифтонг [ie] обозначался в них примерно в половине случаев графемой <ѣ>, в остальных же словах — графемой <е>.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок, кроме слова *Еванелііось* и его форм (нужно заметить, что данное слово вообще писалось необычно, без согласного *г* в корне): с. 9 *эйктьть*, с. 14 *эсма*, с. 30 *эйнанти*, с. 38 *атэйнъ*, с. 39 *атэйдава*, с. 51 *атэйсь*, с. 51 *ишэйты*, с. 133 *эретыкамсь*, с. 226 *праэйнъ*, с. 227 *ишэйнамъ*, с. 227 *эсанчь*.
2. Звук [è] после приставок: с. 8 *апсіэимусъ*, с. 9 *ишэисъ*, с. 9 *ишэе*, с. 39 *сусіэе*, с. 39 *эъ*, с. 39 *атэъ*, с. 226 *ишэимсъ*.

Графема <я> использовалась лишь для обозначения звука [e], который на письме изображался как {ia}: с. 8 *бярүіо*, с. 14 *амжяусъ*, с. 27 *даугяусъ*, с. 27 *госпадоряусъ*, с. 39 *лабьяусъ*, с. 49 *высупырмаюсы*, с. 51 *скайтляусъ*, с. 132 *высусункяую*, с. 322 *крижяусъ*, с. 322 *яу*. Данное употребление графемы <я> сходно с ее использованием в тексте „Трумпасъ катехизмасъ, аукщяусей крашта виреснибей лійпантъ, парашитасъ дѣль каталику яунуменесь, и мокслусъ лейдамось“ и отлично

от всех остальных ранее проанализированных нами текстов, где данная графема выполняла несколько функций.

В конце слов после твердых согласных изображалась графема <ъ>: с. 8 *бетъ*, с. 8 *мотеристесь*, с. 8 *несъ*, с. 14 *жмонесь*, с. 15 *кудикистесь*, с. 38 *кълесь*, с. 38 *атэйнъ*, с. 133 *эретыкамсь*, с. 226 *празйнъ*, с. 227 *ишэйнамъ*, с. 322 *крижяусъ*.

Для передачи дифтонга [uo] используются графемы <у> и <о>: с. 9 *нуогъ*, с. 27 *дуоты*, с. 51 *уолось*. Однако часто встречаются формы, где дифтонг *uo* передается лишь графемой <у>: с. 9 *пардудъ*, с. 9 *дудъ*, с. 15 *дуты*, с. 132 *дусю*, с. 323 *дудъ*.

Также в тексте встречаются формы: с. 26 *жодзюсь*, с. 26 *жодей*, с. 30 *шендина*, с. 31 *винодай*, с. 31 *винс*, с. 226 *пришь*, с. 322 *жодейсь*, с. 322 *жодей*.

Последние два случая можно объяснить тем, что текст „Ишгульдимай швенту еванелію антъ вису недѣлю ирь швенчу иштису мету“ является переводным с польского языка. Анализируемое нами издание — это первая и вторая часть всей книги. Первая часть была переведена Й. К. Рачкаускисом, который родился в местечке Платусталей, принадлежавшем к Кальтиненскому городскому округу, входившему в Шилальский район. „Следовательно, он был южным жемайтом, дунининкасом“ [Litvinskaitė 2004: 147]. Вторая часть была переведена К. Касакаускисом, который „родился недалеко от города Шилале“ [Subačius 2001: 11], а, следовательно, так же, как и Й. К. Рачкаускис, являлся южным жемайтом, которым свойственно передавать дифтонг [uo] как [u], а дифтонг [ie] как [i], чем и можно объяснить встречающиеся в нашем тексте слова типа *дуты* и *винс*. „Аффрикаты *č*, *dž* жемайты употребляют реже, чем аукштайты. Вместо *č*, *dž* в некоторых определенных формах слов у жемайтов появляются *t*, *d*“ [Zinkevičius LKD 1994: 86–87].

Иногда в тексте встречаются слова, в которых носовой гласный изображается как графема гласного звука + *n*: с. 1 *танъ*, с. 8 *тунъ*, с. 8

гърунъ, с. 8 *анунъ*, с. 8 *курень*, с. 8 *курюнъ*, с. 9 *куринъ*, с. 14 *мажунъ*, с. 26 *сункюнъ*, с. 30 *кытунъ*, с. 30 *куринъ*, с. 31 *абеюнъ*, с. 39 *ивайрюнъ*, с. 39 *гърунъ*, с. 49 *кокюнъ*, с. 47 *пасюнсти*, с. 47 *айшкюнъ*, с. 132 *блогунъ*. Из примеров можно заметить, что, в основном, подобным образом писались местоимения и имена прилагательные, стоящие в форме родительного падежа множественного числа.

Графемы <ы> и <и> употреблялись для обозначения краткого и долгого гласного [i]: с. 1 *линксмы*, с. 8 *таридамсъ*, с. 15 *тейсибе*, с. 27 *ишь*, с. 38 *пажинтисъ*, с. 39 *пасыродисъ*, с. 46 *сугауты*, с. 49 *тыктай*, с. 51 *сумайшимай*, с. 89 *ипатинга*, с. 133 *виреснибе*, с. 226 *палайминима*. Как и в тексте „Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку“, данные графемы употребляются непоследовательно. Единственная закономерность, которую можно проследить из примеров — графема <ы> никогда не использовалась для обозначения долгого звука [i]. Эту функцию всегда выполняла графема <и>.

Кириллическая система, примененная к данному тексту, более всего напоминает азбуку Й. Кречинского, которой были переписаны в 1867 году *Актас ир потерей* и его *Календорюс*, с той лишь поправкой, что графемы <э> и <я> выполняли те же функции, что и в совместной с Л. Ивинским работе „Трумпасъ катехизмасъ...“ (1865).

Ф. Ф. Фортунатов, В. Ф. Миллер Литовскіе народные песни¹ (1873)

Еще одно издание, содержащее литовский текст, записанный кириллическим шрифтом — это литовские народные песни, собранные и записанные Ф. Ф. Фортунатовым и В. Ф. Миллером в 1871 году и изданные через год, в 1872 году. В издание 1872 года вошло сто песен:

---

¹ См. приложение II, рисунки 17 и 18.

изначально в рукописи они записаны на литовском языке латиницей, в издании же литовский текст песен передан кириллицей и самими же авторами переведен на русский язык. Эти песни в следующем, 1873 году, были изданы отдельной книгой.

Как и в других, ранее проанализированных нами текстах, в издании Ф. Фортунатова и В. Миллера не существовало единой системы передачи литовских звуков кириллическими символами.

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 14 *мергужёля*, с. 14 *пенкис*, с. 14 *метус*, с. 14 *верке*, с. 16 *бернялис*, с. 16 *пер*, с. 16 *гелтонус*, с. 16 *плаукелус*, с. 18 *мочуте*, с. 20 *јурес*, с. 20 *марес*, с. 20 *келялио*, с. 20 *бернужёлис*.
2. [e], на письме обозначаемый, как {ia}: с. 14 *верке*, с. 18 *гражеј*, с. 24 *жале*, с. 24 *алькснеј*.

Графема <ѣ> в литовском кириллическом тексте не встречается, зато присутствует в русском переводе всех песен.

Буква <э> также не употребляется.

Графемой <ё> всегда обозначался звук [e̞]: с. 14 *мергужёля*, с. 14 *гегужёлё*, с. 16 *нактялё*, с. 16 *мотинёля*, с. 18 *ишдрожё*, с. 18 *сукурё*, с. 20 *сёск*, с. 22 *нуёмё*, с. 22 *тёвялис*, с. 24 *рутялё*.

Графема <я> служила для обозначения звука [e̞], в основном, под ударением либо в окончаниях: с. 14 *мергужёля*, с. 14 *рутялю*, с. 14 *броляли*, с. 16 *мергяля*, с. 16 *тякант*, с. 16 *ауксялио*, с. 18 *крантялио*, с. 20 *лангяли*.

Дифтонг [ie̞] всегда передавался графемой <ё̆>: с. 14 *касдёняля*, с. 14 *дёнужёлю*, с. 18 *лёменёлю*, с. 18 *жёдяли*, с. 22 *дёна*, с. 22 *Дёво*, с. 24 *тёса*, с. 24 *квётелус*. Причем, в тексте, написанном латиницей, дифтонг [ie̞] тоже иногда передавался графемой <ё̆>.

Графема <ъ> в тексте не употреблялась, хотя и присутствовала в русском переводе песен.

Дифтонг [uo] обозначался графемой <ÿ>: с. 20 *атдÿк*, с. 20 *јÿда*, с. 22 *нÿметелÿс*, с. 24 *јÿдбёрели*.

На носовые гласные авторы не обращали внимания, передавая их лишь графемами гласных звуков.

Таким образом, мы видим, что звук [e] мог передаваться всего двумя графемами, в отличие от ранее проанализированных нами текстов, где этот звук мог изображаться тремя или даже четырьмя разными буквами. Также в систему Ф. Фортунатова и В. Миллера были включены графемы <ë> и <è>, а дифтонг [uo] передавался специальной буквой <ÿ>.

[И. Кречинский] Ді^евишка літургіја Швэнто Јоно Аÿксобурніо¹ (1887)

В качестве послесловия к данному тексту издатель-редактор (Неясно кто это был. Й. Кречинский перевел существовавшую на тот момент „Божественную литургію Святого Іоанна Златоуста“ с русского на литовский язык и сам переписал получившийся перевод кириллическими символами. Затем этот кириллический текст редактировали Э. Вольтер и З. Ляцкий.) предлагает вниманию читателя правила чтения данного текста. К тому же, в этом послесловии приводятся основные принципы применения кириллицы к литовскому языку.

„Главным принципомъ примѣненія русскаго шрифта къ литовско-жмудскому языку служило правило: То, что произносится въ литовском и русскомъ языкахъ одинаково, можетъ быть изображаемо одинаковыми буквенными знаками; *особенные же звуки литовского языка должны быть переданы и особенными знаками и буквами, въ русской азбуке не существующими*“ [Ді^евишка літургіја 1887: 37].

---

¹ См. приложение II, рисунки 19 и 20.

Далее дается описание произношения некоторых звуков, которые, по мнению автора, заслуживают отдельного внимания:

1. *i^e* или ударное *i^e* означает дифтонг *ie*, например, в словах: с. 1 *an^e*, с. 1 *Лі^eтуво́с*, с. 2 *мі^eста*, с. 3 *Ві^eшпати*, с. 11 *мі^eлашірді́стес*, с. 11 *Ді^eвас*, с. 11 *шві^eсіо́је*, с. 11 *ві^eтоје*, с. 14 *зі^eсме*, с. 21 *ві^eнгімі*, с. 27 *ві^eнас*.
2. *u^o* или ударное *u^o* обозначает дифтонг *uo*, например, в словах: с. 2 *ану́се*, с. 2 *паду́кі^eм*, с. 3 *ну^o*, с. 4 *ду́ті*, с. 4 *дук*, с. 9 *дајкту́се*, с. 11 *ну́деміу*, с. 14 *неішмеру́тос*, с. 21 *ишду́тас*, с. 27 *ду́на*.
3. „і (і без точки) служить для изображения смягченія согласныхъ. Смягченіе лучше было бы выразить удареніемъ надъ согласнымъ, какъ в зырянской азбукѣ¹, но причины чисто типографическія заставили насъ отказаться отъ примѣненія грависа (˘) для выраженія смягченія. Смягченные звуки *ль*, *нь* изображаются сербскими знаками *љ*, *њ*“ [Ді^eвишка літургіја 1887: 38]. Такие буквы писались, например, в словах: с. 1 *Ві^eльнаус*, с. 2 *ніа^eпріательус*, с. 2 *кельау^eнінкус*, с. 2 *па^eгаль*, с. 4 *несмэртельнас*, с. 11 *атсі-і^eльсѣ^eјма*, с. 11 *кара^eљу*, с. 11 *несмертельна*, с. 14 *кара^eљуј*, с. 27 *даљу^e*.
4. „j употребляется <...> въ началѣ слова или слога; вмѣсто й въ концѣ слога; вмѣсто і, какъ вторая часть дифтонговъ, образуемыхъ посредствомъ і, переходящаго въ йотъ“ [Ді^eвишка літургіја 1887: 38]. Это встречалось, например, в таких словах, как: с. 1 *гѣрапасілајкіма*, с. 1 *јус*, с. 1 *бајме*, с. 1 *аукиштај*, с. 2 *свејкума*, с. 2 *малонѣје*, с. 4 *сутармеј*, с. 9 *малдој*, с. 11 *курсáј*, с. 14 *пријті*, с. 21 *јіс*, с. 27 *пáрдаліјасі*, с. 27 *жереліс*.

---

¹ Зырянская азбука — письменность, использовавшаяся коми-зырянами, коми-пермяками, русскими и некоторыми другими народами на северо-востоке Европейской России. Была создана на основе кириллицы, греческого алфавита и древнепермских рунических символов (пасов). — Прим. Л. Н. Пиянзиной.

5. „Знакъ џ употребляется для означенія носоваго произношенія гласныхъ“ [Ді^евишка літургіја 1887: 38]. Эту букву можно встретить, например, в словах: с. 1 *вісуџ*, с. 2 *шіџ*, с. 2 *мі^естаџ*, с. 2 *ануџ*, с. 4 *нам^уџ*, с. 9 *јуџ*, с. 11 *гів^енімаџ*, с. 14 *м^алдаџ*, с. 14 *тарн^авімаџ*, с. 14 *са^џжін^ес*.
6. „Въ литовскомъ языкѣ гласные бываютъ долгими и короткими, оттого необходимо было удлиненіе гласнаго *i*, *y*, *a* означать черточкою надъ этою буквою; звукъ *o* в литовскомъ языкѣ бываетъ всегда долгимъ“ [Ді^евишка літургіја 1887: 38]. Например: с. 1 *каралі^істе*, с. 1 *пак^ају^у*, с. 2 *к^оју*, с. 2 *кр^ашта*, с. 3 *і^ра*, с. 4 *м^усу*, с. 11 *д^іджіос*, с. 11 *віс^окіу*, с. 14 *Керубі^іму*, с. 21 *м^ано*, с. 27 *алт^оріу*, с. 27 *ші^тас*.
7. В седьмом пункте автор рассказывает о существовании в литовском языке дифтонгических сочетаний гласный + сонант. При произношении таких слов автор побуждает читателя тянуть „сонантические *n*, *r*, *l*, *m*“ [Ді^евишка літургіја 1887: 38], произнося : „швэннтас, варрдас, галлва“ [Ді^евишка літургіја 1887: 38–39].
8. „Буква «и» употребляется только въ словѣ *Императоріус* Императорі^ене“ [Ді^евишка літургіја 1887: 39]. Однако нами был обнаружен еще один пример употребления данной буквы: с. 27 *эси*. Автор перевода и его редакторы не внесли данный случай в список опечаток, который помещен в конце книги на 41-ой странице. Поэтому данный случай остается неясным.
9. „э означаетъ произношеніе звука *e*, не смягчающаго предыдущаго согласнаго“ [Ді^евишка літургіја 1887: 39]. Например: с. 1 *пасім^элскіме*, с. 1 *швэн^ітус*, с. 2 *кар^эјвіус*, с. 3 *эсме*, с. 4 *д^ав^эј*, с. 9 *д^вас^эј*, с. 11 *м^элджамос*, с. 11 *пергал^эјеј*, с. 21 *эсі*, с. 27 *пашвэн^ітінті*.

10. „е означает произношеніе звука е съ смягченнымъ, предыдущим согласнымъ“ [Ді^евишка літургіја 1887: 39]. Например: с. 1 *пасаулес*, с. 1 *нобажністе*, с. 2 *свејкума*, с. 3 *жóле*, с. 4 *спéка*, с. 9 *тејсїбес*, с. 11 *перкелту*, с. 11 *несмертельна*, с. 14 *галїбе*, с. 14 *гівенімо*, с. 21 *декавојо*.
11. „Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ смягченіе согласныхъ изображается церковнославянскимъ знакомъ і безъ точки“ [Ді^евишка літургіја 1887: 39]. Например: с. 1 *швэнчау̑сі*, с. 2 *вісóкіус*, с. 2 *вајсіу̑нь*, с. 14 *джау̑гсмајс*, с. 27 *алтóриу*.
12. „Удареніе, ставленое надъ гласными, напр. въ словахъ кúнигас (іерей, священникъ), Двѣ́сіос (души), жмóнес (люди) и друг. — означаетъ мѣсто ударенія и отмечѣно для большей наглядности при чтеніи, какъ и служеніи“ [Ді^евишка літургіја 1887: 39].

Далее, на странице 40 приводится литовская кириллическая азбука, которая содержит в себе 45 букв (включая буквы с диакритическими значками): *а, ā, б, б' (=бі), ц, д, д', э, é, е, і̑, і̑̑, г, г', і, і̑, і̑̑, j, к, к', л, љ, м, ми, н, нь, џ, о, п, п', р, р', с, с', ш, т, т', ч, у, у̑, у̑̑, з, ж, дж, в*. Это на десять букв больше, чем у С. Микуцкого и Л. Ивинского, и на девять букв больше, чем у Й. Кречинского в переведенном им тексте „Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку...“. В остальных проанализированных нами текстах переводчики не указывали точное количество графем, содержащихся в азбуке, которой они пользовались при переводе текста на кириллицу.

Теперь же необходимо, как мы ранее это уже делали, посмотреть на то, какие графемы использовались для передачи тех или иных звуков.

Итак, графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 1 *тегу□ль*, с. 1 *пасімэ□лскіме*, с. 2 *свејкума*, с. 2 *пасімэлдімас*, с. 2 *Два́сеј*, с. 3 *атсімена*, с. 3 *гарбінкіте*, с. 3 *швенчаўсі*, с. 11 *пергалэ□јеј*.
2. [è]: с. 4 *дорі́бес*, с. 11 *каралі́стес*, с. 11 *нудеміу*, с. 14 *галі́беје*, с. 21 *декаво́јем*, с. 27 *деші́нес*.
3. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 2 *ві́шпатаўжанче*, с. 2 *швенчаўсе*, с. 2 *скајсчаўсе*, с. 4 *пріжадэ□јеј*, с. 11 *пергалэ□јеј*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e] в начале слова и после приставок, а также в отдельных словах, где, по мнению Й. Кречинского, произносился твердый предшествующий согласный: с. 1 *пасімэ́лскіме*, с. 1 *швэнту́с*, с. 2 *карэ́јвус*, с. 3 *э́сме*, с. 4 *да́вэј*, с. 9 *два́сэј*, с. 11 *мэ́лджамос*, с. 11 *пергалэ́јеј*, с. 11 *эктені́ја*, с. 21 *э́сі*, с. 27 *пашвэнті́нті*.
2. Звук [è]: с. 2 *ішсі́галбэ□ти*, с. 4 *пріжадэ□јеј*, с. 11 *пергалэ□јеј*.

В отличие от всех других исследованных нами ранее кириллических памятников 19 века, в данном тексте отсутствует графема <Ѣ>, которая часто служила для обозначения звуков [e], [è], дифтонга [ie], а также звука [e], который на письме передавался как {ia}. В данном случае звук [è] регулярно передается графемой <è>, а дифтонг [ie] на протяжении всего текста обозначается графемой <i^е>.

В алфавите не указана буква <я>, которая так же, как и буква *ѣ* в тексте не употребляется. Данная черта может считаться отличительной особенностью анализируемого нами текста, так как во всех ранее исследованных нами памятниках графема <я> регулярно использовалась для обозначения звука [e], который на письме передавался как {ia}, а также в большинстве текстов данной графемой изображался звук [e].

Как уже было сказано раньше, дифтонг [uo] передается регулярно графемой <у̇>.

Буква <ъ> в алфавитном списке на 40-ой странице не указана, не употребляется она и в тексте. Эта общая черта для азбук Й. Кречинского и С. Микуцкого с Л. Ивинским.

Кириллическая система Й. Кречинского, представленная в данном тексте, не похожа на остальные, а потому является уникальной в своем роде. В данной работе совсем не употреблялась графемы <Ѣ>, <я> и <ъ>, а буквы <е> и <э> выполняли меньше функций, чем обычно это происходило в других памятниках. Кроме того, дифтонг *uo*, как и в песнях Ф. Фортунатова и В. Миллера, обозначался специальной графемой <ѳ>.

[И. Лютостанскис] Кауказа невальникась¹ (1891)

Данное издание выделяется на фоне других книг, изданных в период запрета печати латинскими буквами в Литве, тем, что по своей сути это — художественное произведение, а не календарь, букварь, катехизис или евангеле. И. Лютостанскис в общей сложности перевел на кириллицу три художественных произведения Л. Н. Толстого: „Ишлайденсь угни, не бе ужгясинси“ (1888), „Кауказа невальникась“ (1891) и „Курь майле, тень ирь девась“ (1891). При чем, все три книги И. Лютостанскис переводил с русского языка.

Что же касается того, как переводчик применял кириллицу к литовскому языку, то мы можем проследить это на примере текста „Кауказа невальникась“ (1891).

Графемой <е> обозначались звуки:

1. [e]: с. 4 *нуведъ*, с. 5 *кумелю*, с. 6 *недидели*, с. 6 *герясни*, с. 7 *савесь*, с. 7 *герклесъ*, с. 10 *сторесни*, с. 10 *атсиреми*, с. 11 *атнеши*, с. 23 *тенай*, с. 24 *парнеши*, с. 25 *грейтай*, с. 34 *сеней*.

---

¹ См. приложение II, рисунки 21 и 22.

2. [ɛ̃]: с. 1 *аптурая*, с. 1 *ишпраше*, с. 2 *дельто*, с. 5 *пасижюрети*, с. 6 *ижсибега*, с. 6 *дуобе*, с. 7 *жямень*, с. 7 *нуеми*, с. 8 *мешла*, с. 10 *мелинась*, с. 11 *ишплети*, с. 11 *жвери*.
3. Дифтонг [iɛ]: с. 1 *ведрусь*, с. 1 *дено*, с. 9 *мегоя*, с. 10 *лежувю*, с. 22 *пуденя*, с. 22 *нексъ*, с. 35 *наме*.
4. Этой же графемой мог обозначаться и звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 1 *кялейсь*, с. 5 *пакальней*, с. 9 *венмаршкиней*, с. 10 *жомишиней*, с. 23 *соджей*, с. 24 *сяней*.

Графемой <э> обозначались:

1. Звук [e]: с. 4 *эйдава*, с. 4 *рэйкея*, с. 7 *сушвэльти*, с. 9 *эйнъ*, с. 11 *пажвэльги*, с. 11 *навэт*, с. 23 *рэйкъ*, с. 23 *эйти*, с. 23 *эйкемъ*, с. 25 *эйлой*, с. 25 *рэнкаси*, с. 35 *ишэйти*.
2. Звук [ɛ̃]: с. 1 *нэя*, с. 4 *нуэе*, с. 4 *парэя*, с. 5 *прадэе*, с. 7 *пріэисъ*, с. 9 *ишэесь*, с. 9 *приэи*, с. 24 *атэя*, с. 25 *тилэя*, с. 25 *нуэи*.
3. Звук [e], который на письме обозначался как {a}: с. 4 *салдотэй*, с. 4 *прешэй*, с. 4 *тиктэй*, с. 5 *черкесэй*, с. 8 *думэйсь*, с. 11 *тэй*, с. 22 *герэй*.

Графемой <я> обозначались звуки:

1. [e], который на письме изображался как {ia}: с. 5 *толяусъ*, с. 8 *минкцяу*, с. 10 *геряусъ*, с. 23 *аукцяу*, с. 23 *жямяусъ*, с. 35 *пасибучява*.
2. [ɛ̃]: с. 1 *сяна*, с. 1 *кятурюсь*, с. 1 *кялейсь*, с. 5 *трисдяшимтисъ*, с. 6 *ишняшкъ*, с. 6 *гярасъ*, с. 6 *герясни*, с. 7 *атсикальти*, с. 7 *жямень*, с. 8 *упели*, с. 10 *гярти*.

Графема <ѣ> в тексте не использовалась. Данная особенность отличает анализируемый нами текст от ранее изученных, так как во всех текстах, кроме перевода Й. Кречинского „Ді^евишка літургіја Швэ́нто Јо́но Аѹксобѹрніо“, графема <ѣ> употреблялась регулярно в трех случаях. Она могла обозначать:

1. Звук [e].

2. Звук [ɛ].

3. Дифтонг [ie].

Иногда графема <ѣ> писалась и в формах местного падежа, как, например, в текстах И. Кречинского „Актась ирь потерей, курюсь кась дена туриме кальбети, о лабяусей атэйнантъ и прота, кеквенамѣ смерчіо препуолѣ приемантъ Швентусь Сакрамэнтусь ирь деномись Швентомись“ и „Русишкой-летувишкасись календорюсь антъ 1868 (прибувимась) мѣту“.

После твердых согласных изображалась графема <ъ>: с. 1 *кятурюсь*, с. 1 *кялейсь*, с. 5 *трисдяшимтись*, с. 6 *ишняшкъ*, с. 6 *гярась*, с. 7 *апъишкоя*, с. 7 *савесь*, с. 7 *герклесь*, с. 22 *некъ*. Таким образом, можно заметить, что графема <ъ> писалась и в конце слов, и после приставок, оканчивающихся на твердый согласный. Это черта отличает текст И. Лютостанскиса от ранее проанализированных нами, так как до этого <ъ> никогда не изображался после приставок.

Для передачи дифтонга [uo] используются графемы <у> и <о>: с. 4 *нуогъ*, с. 6 *пасидуосю*, с. 6 *дуобе*, с. 9 *батуота*, с. 10 *дуоту*, с. 22 *ишважуодамась*, с. 25 *дуоби*. Однако в тексте встречаются и такие формы, как: с. 1 *атважіокъ*, с. 1 *нуважіоти*, с. 6 *водега*, с. 6 *пасуодинсь*, с. 6 *пасидосю*, с. 8 *нусуодина*, с. 8 *анжуолинюсь*, с. 10 *раудуони*. Последние примеры указывают на тот факт, что И. Лютостанскис был жемайтом. Скорее всего, он владел тем вариантом жемайтского языка, который распространен в западной части Жемайтии, следовательно, был донининкасом. Это подтверждают примеры с. 1 *атважіокъ*, с. 1 *нуважіоти*, с. 6 *водега*, с. 6 *пасидосю*, так как западным жемайтам свойственно передавать дифтонги [ie] и [uo], как [o,] [e].

В тексте встречается графема <ы>: с. 7 *высуръ*, с. 10 *вылкась*. Она употребляется для обозначения краткого звука [i] и используется намного реже, чем графема <и>, которая могла передавать и долгий, и краткий звуки [i].

Также в тексте присутствует ранее нигде не встречавшаяся нам графема <ё>: с. 5 *ужъѣти*, с. 35 *ишьѣя*. С чем связано появление данной буквы в тексте не ясно, потому как в большинстве похожих случаев в любой позиции (в начале слова, в середине или после приставки) используются графемы <і> и <о>.

На носовые гласные Й. Лютостанкис не обращал внимания, изображая их графемами гласных звуков <а>, <я>, <е>, <ю>, <и> без добавления графемы <н>.

Как мы видим, кириллическая система И. Лютостанкиса, как и азбука Й. Кречинского, примененная к тексту *Литургии*, отличалась от ранее выявленных нами. Во-первых, в ней не использовалась графема <ѣ>, во-вторых, в кириллическую систему была включена графема <ё>.

Й. Грабаускас Укишкасис календорюс 1902 метамс, туринтѣмс 365 дѣнас¹ (1902)

Данное издание так же, как и художественные тексты И. Лютостанкиса, можно считать в некоторой степени уникальным, так как это единственный календарь, подготовленный и переведенный не Й. Кречинским или Л. Ивинским, которые являются авторами большей части календарей, изданных на кириллице в годы запрета печати.

Обратимся к особенностям передачи текста кириллицей.

Графема <е> служила только для обозначения звука [e]: с. 28 *перкуния*, с. 28 *метуосе*, с. 28 *шалије*, с. 28 *аптемимас*, с. 28 *тречяс*, с. 28 *валандоје*, с. 29 *кетурю*, с. 29 *нусижеминимо*, с. 29 *прадеда*, с. 30 *метай*, с. 30 *велия*, с. 30 *присикелти*. В других текстах данной буквой, к тому же, обозначались звуки [è], [e], который на письме обозначался как {ia}, а также дифтонг [ie].

---

¹ См. приложение II, рисунки 23 и 24.

Звук [ɛ́] всегда обозначался графемой <ė>: с. 29 *галѣту*, с. 29 *гарбѣс*, с. 29 *падѣкавоти*, с. 30 *Калѣду*, с. 30 *нусидѣјиму*, с. 31 *шештинѣс*, с. 31 *секминѣс*. В других текстах данную функцию чаще всего выполняли графемы <е> и <ѣ>.

Графемой <ѣ> всегда обозначался только дифтонг [ie]: с. 28 *жѣма*, с. 28 *вѣна*, с. 28 *Лѣтувоје*, с. 28 *далѣс*, с. 29 *свѣто*, с. 29 *лѣпя*, с. 29 *дѣна*, с. 30 *курѣ*, с. 31 *нѣко*. Как и предыдущие графемы, <ѣ> в данном тексте выполняла всего одну функцию, в то время как в ранее проанализированных нами текстах графема <ѣ> обозначала регулярно:

1. Звук [e].
2. Звук [ɛ́].
3. Дифтонг [ie].

Иногда она могла писаться и в формах местного падежа.

Графемой <я> всегда изображался звук [e], на письме передаваемый как {ia}: с. 28 *перкуния*, с. 28 *тречяс*, с. 29 *рейшкя*, с. 29 *уждрауджя*, с. 29 *аугшчяуса*, с. 30 *караляй*, с. 30 *бажничя*. Во всех ранее изученных нами текстах, кроме перевода И. Кречинского „Діѣвишка літургіја Швѣнто Јоно Аѣксобѣрніо“ данная графема могла также обозначать и звук [e].

Как и в азбуке С. Микуцкого и Л. Ивинского и в тексте Й. Кречинского „Діѣвишка літургіја Швѣнто Јоно Аѣксобѣрніо“ в данном календаре не употребляется графема <ѣ>, которая изображалась после твердых согласных на конце слова в остальных исследованных нами памятниках.

В тексте не встречается и таких графем, как: <ы>, <ф>, <х>.

Дифтонг *ио* изображается с помощью двух графем: <у> и <о>: с. 28 *метуосе*, с. 28 *мѣнуо*, с. 29 *груоджіо*, с. 30 *гиртуоклистѣс*.

Кириллическая система Й. Грабаускаса отличается от всех остальных, ранее проанализированных нами, тем, что каждая графема использовалась для передачи одного единственного литовского звука.

Кроме того, не использовались графемы <ѣ> и <ѥ>. Зато в алфавит была включена буква <ѧ>, которой не было в русском алфавите.

Заключение

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что не только использованные для данного исследования кириллические тексты, но и вообще все издания периода запрета печати, изданные не на латинице, — это тексты, которые должны были пользоваться популярностью среди народа: катехизисы, евангелие, календари, художественная литература, азбуки и учебные пособия. Кириллические системы, которые были применены к этим текстам, разрабатывались, в основном, учителями (Л. Ивинский, Т. Жилинскас, Й. Кречинский, И. Лютостанскис, Й. Грабаускас) либо университетскими преподавателями, как С. Микуцкий, В. Миллер и Ф. Фортунатов.

Большинство кириллических текстов до сих пор остаются неисследованными. Интерес к изучению памятников литовской литературы периода запрета печати возрос лишь в последнее десятилетие. Среди основных исследователей, занимающихся текстами данного временного промежутка, необходимо упомянуть Г. Субачюса, Д. Литвинскайте, А. Тамощюнайте, Ю. Вянцкене.

Проведя анализ 12 кириллических памятников периода запрета печати, не удалось объединить выявленные кириллические системы в группы, как это сделал Г. Субачюс в своей статье „Lietuviška ir rusiška lietuviškų spaudinių kirilika 1864–1866 metais“. Исследовав некоторое количество текстов, он пришел к выводу, что в данный временной промежуток (1864–1866 гг.) существовавшие кириллические системы для передачи литовского языка можно разделить на две группы. К первой группе исследователь предлагал отнести С. Микуцкого, Л. Ивинского и Т. Жилинскаса, а во вторую он включил систему Й. Кречинского. И действительно, из таблицы, помещенной на странице 171 данной статьи,

можно заметить, что азбука Й. Кречинского заметно отличалась от систем первой группы. Так, например, графема <e> имела у Й. Кречинского больше функций, чем у Т. Жилинса, С. Микуцкого или Л. Ивинского, графемы <ŷ>, <ô> и знак апострофа не использовались вовсе.

В нашем же случае нужно говорить о существовании нескольких систем передачи литовского языка кириллическими символами, которые принадлежали разным разработчикам и развивались ими же с течением времени, как в случае с Й. Кречинским.

В ходе нашего исследования возник вопрос, возможно ли, что передача литовских памятников разными вариантами кириллицы зависела от жанровой принадлежности текстов? В действительности это оказалось не так. Например, *Календорюс* (1867) и текст *Актас ир потерей* (1867), которые перевел на кириллицу Й. Кречинский, принадлежат к разным жанрам: календарь и религиозная книга, но, тем не менее, переписаны одной и той же системой. Но, в то же время, *Литургия* (1887) Й. Кречинского уже существенно отличается примененной к ней кириллической азбукой от первых двух памятников.

Проанализировав 12 кириллических памятников литовского языка периода 1864–1904 гг., можно сделать некоторые выводы:

1. У текста „Ишгульдимаи швенту еванелию антъ вису недѣлю ирь швенчу иштису мету“ (1869) изначально не было указано имя переводчика, который приспособлял кириллицу к литовскому языку. Однако, проанализировав данный памятник и сравнив его с другими одиннадцатью, можно предположить, что автором-переводчиком „Ишгульдимаи швенту еванелию антъ вису недѣлю ирь швенчу иштису мету“, по всей видимости, являлся И. Кречинский, так как кириллическая система передачи литовского языка, использовавшаяся в данном тексте, весьма напоминает те, которыми были переписаны другие работы автора: „Актась ирь потерей,

курюсь кась дена туриме кальбети, о лабяусей атэйнантъ и прота, кеквенамѣ смерчіо препуолѣ приемантъ Швентусь Сакрамэнтусь ирь деномись Швентомись“, „Русишкой-летувишкасись календорюсь антъ 1868 (прибувимась) мѣту“, „Мокслась скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку“ (см. таблицу № 1 первого приложения).

2. Исходя из полученных в ходе анализа текстов результатов, наглядно представленных в таблице № 1, можно сделать вывод, что единой системы передачи литовского языка кириллицей не существовало. Каждый автор в зависимости от своих взглядов, убеждений, а также степени владения литовским языком разными графемами передавал литовские звуки. Причем, даже в пределах одного текста могли встречаться разные написания одного и того же слова. Это можно сравнить с литовскими памятниками XVI–XIX веков, записанными на латинице, где одни и те же литовские слова в пределах одного текста могли так же писаться по-разному.
3. Трудности, которые возникли при описании кириллических систем (например, разные способы передачи звуков [e], [è]; несистемное употребление графем <ы> и <и> для обозначения долгого и короткого звука [i]; разные функции графем <ѣ> и <э>), можно объяснить отсутствием на тот момент устоявшегося литературного языка. В связи с этим, иногда было сложно установить, чему обязано различное кириллическое написание одного и того же слова у разных авторов, а также в пределах одного текста: особой записи слова или же диалекту, носителем которого был переводчик.
4. На основе таблицы № 1 можно выделить, как минимум, шесть систем передачи литовского языка кириллицей:

- 1) Система С. Микуцкого и Л. Ивинского;
- 2) Азбука И. Кречинского;
- 3) Алфавит, которым Й. Кречинский пользовался при переводе текста „Ді^овишка літургіја Швэ́нто Јо́но Аўксобу́рніо“;
- 4) Система Ф. Фортунатова и В. Миллера
- 5) Система И. Лютостанского;
- 6) Алфавит Й. Грабаускаса.

Алфавит, которым Й. Кречинский пользовался при переводе текста „Ді^овишка літургіја Швэ́нто Јо́но Аўксобу́рніо“, выделен в качестве самостоятельного на основе своей непохожести на манеру передачи кириллицей литовского языка других работ автора (см. таблицу № 1).

5. На основе данных, полученных в ходе анализа 12 кириллических изданий периода 1864–1904 гг. была составлена таблица № 1 (см. приложение I), в которой можно проследить тенденции передачи тех или иных литовских звуков кириллическими символами. Основное внимание в таблице уделено графемам <е>, <ѣ>, <э>, <я>, <ъ>, способам передачи дифтонга [uo], а также наличию в тексте дополнительных, редко встречающихся букв, таких, как: <ф>, <х>, <ы>, <ё> и <ѐ>.

Можно заметить, что графема <е> регулярно использовалась в двух случаях: для обозначения звуков [e] и [é]. Лишь в двух текстах, а именно в *Календорюсе* Й. Грабаускаса и *Песнях* Ф. Фортунатова и В. Миллера, для изображения звука [é] используется специально для этого случая введенная буква <ѐ>. То же самое можно сказать и о существовавших возможностях передачи дифтонга [ie]. В большинстве текстов он мог передаваться двояко: то графемой <е>, то

буквой <ѣ>. И лишь в четырех текстах, в *Литургии* Й. Кречинского, *Кауказа Невальникасе* И. Лютостанскиса, *Календорюсе* Й. Грабаускаса и в текстах песен Ф. Фортунатова и В. Миллера, он передавался иначе. Так, в первом озвученном тексте для обозначения данного звука использовалась графема <i^е>, которая более не встретилась нам ни в одном из проанализированных текстов. Во втором издании дифтонг передавался графемой <е>, которая помимо данной функции выполняла еще три. В третьем памятнике единственно возможным способом обозначения дифтонга [i^е] была графема <ѣ>, которой больше никаких звуков не изображалось. И, наконец, в последнем тексте, в песнях, записанных Ф. Фортунатовым и В. Миллером, дифтонг [i^е] обозначался на письме графемой <ё>. Данная буква встречалась еще в одном памятнике, в тексте И. Лютостанскиса *Кауказо невальникас*. Однако там она выполняла совершенно другую функцию, являясь наряду с буквосочетанием <i> + <o> вариантом обозначения звука [i^o]. Разными способами мог передаваться звук [e], изображаемый на письме, как {ia}. Это могла быть графема <я> или же, если, например, данной буквы в системе не было, как в *Литургии* Й. Кречинского, то в данной функции употреблялась графема <е>. Но чаще всего для обозначения данного явления употреблялись обе эти буквы.

Графема <ѣ> более или менее постоянно использовалась в большинстве текстов для обозначения звука [ɛ̃]. Однако в этой же позиции могли писаться и буквы <е>, <я> или <э>.

С заметным постоянством в начале слова или после приставок писалась графема <э>. В этой функции она не

использовалась лишь в трех памятниках: *Евангелие* Л. Ивинского, *Календарюсе* Й. Грабаускаса и в текстах песен Ф. Фортунатова и В. Миллера.

Спорным моментом является изображение звука [e] в формах местного падежа. Половина авторов используют в этой функции графему <ѣ>, другая же часть переводчиков предпочитает изображать в данной позиции буквы <е> или <я>.

Не всегда одинаково изображался и дифтонг [uo]. В большинстве случаев в этой функции использовались графемы <у> + <о>, однако, в *Абецеле* С. Микуцкого и Л. Ивинского для этого употребляется графема <ô>, а в текстах песен Ф. Фортунатова и В. Миллера и *Литургии* Й. Кречинского в этой позиции изображалась графема <ÿ>.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что для данного исследования были привлечены по большей части не изучавшиеся до этого времени кириллические памятники литовского языка XIX–XX вв. Было проанализировано 12 работ разных годов выше обозначенного периода. Итогом данного исследования стала таблица, в которой наглядно представлены некоторые особенности, встретившиеся в ходе изучения текстов разных авторов. Данный материал свидетельствует о том, что единой системы передачи литовского языка кириллическим алфавитом не существовало. Каждый автор подстраивал его (алфавит) под себя, под свой родной говор, которым он владел и на который опирался при транскрибировании текста. К тому же, один и тот же переводчик мог использовать разные кириллические системы в зависимости от времени создания работы. Так, например, мы можем видеть, что алфавит, примененный Й. Кречинским к тексту *Актас ир потерей* (1867) сильно отличается от азбуки 1887 года, которой была переписана *Литургия*.

Литература

Источники

1. Mikuckis S., Ivinskis L. Абецеле жемайтишкай-лѣтувишка. Ишдѣта пар исакима Ю Милестас Вирияусіа Редитоя Шяурес-вакаро шалѣс М. Н. Муравьева. Вильнюс, 1864.
2. [Л. Ивинский] Евангеліесъ антѣ недѣліос денунѣ ирѣ китунѣ швенчу, куріос Ира скайтомасѣ бажниціосѣ швентосѣ парѣ иштисусѣ метусѣ пагаль Рима иредима. Вильнюс, 1865.
3. [И. Кречинский] Трумпасѣ катехизмасѣ, аукцяусей крашта виреснибей лійпантѣ, парашитасѣ дѣл каталику януменесѣ, и мокслусѣ лейдамосѣ. Вильнюс, 1865.
4. [И. Кречинский, Л. Ивинский] Сенасѣ аукса алторюсѣ, арба Суринкимасѣ ивайрю малдунѣ ирѣ гѣсмюнь... Вильнюс, 1866.
5. [И. Кречинский] Актасѣ ирѣ потерей... Вильнюс, 1867.
6. Krečinskis J. Русишкай летувишкасисѣ календорюсѣ антѣ 1868 (прибувимасѣ) мѣту. Вильнюс, 1867.
7. [И. Кречинский] Моксласѣ скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку... Вильнюс, 1867.
8. Bialobžeskis M. Ишгульдимаі швенту евангелію антѣвису недѣлю ирѣ швеню иштису мету. Вильнюс, 1869.
9. Auksaburnis J. (Chryzostomas) Діѣвишка літургіја Швѣнто Јоно Аѣксобурнію. СПб, 1887.
10. Толстой Л. Н. Кауказа невальникасѣ. Вильнюс, 1891.
11. Grabauskas J. Укишкасис календорюс 1902 метамс. Сувалки, 1902.

12. Фортунатов Ф. Ф., Миллер В. Ф. Литовскія народныя песни собранныя Всев. Миллером и Ф. Фортунатовым. Москва, 1873. — 221 с.

Исследования

1. Ауксорюте 2005 — Ауксорюте А. Лауринас Ивинскис и терминология его календарей // Будрайтис Ю., Забарскайте Й., Завьялова М. В., Лабынцев Ю. А., Назарова Е. Л., Щавинская Л. Л. Исторический путь литовской письменности. Вильнюс: Институт литовского языка, 2005. С. 62–73.
2. Владимировас 1985 — Владимировас Л. Черты развития литовской книги // Lietuvos TSR bibliografija. Serija A. Knygos lietuvių kalba. T. 2. 1862–1904. Kn. 1(A–P). Vilnius: Mintis, 1985. С. 74–85.
3. Микуцкий С. П. Записка о составлении славянского корнеслова. ПФА РАН: ф. 35, оп. 4, д. 62.
4. Biržiška 1990 — Biržiška V. Aleksandrynas. III. XIX a. Vilnius: Sietynas, 1990. — 448 с.
5. Litvinskaitė 2004 — Litvinskaitė D. Jeronimo Kiprijono Račkauskio knygų *Munkos Viešpaties* (1857), *Vadovo į gangų* (1857) ir *Balso Dievo* (1858) kalbos ypatumai // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) Archivum Lithuanicum. 6. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. С. 147–164.
6. Litvinskaitė 2005 — Litvinskaitė D. Kirilikos Evangelijų (Евангелиес, 1865) rašyba: Laurynas Ivinskis ir Jonas Krečinskis // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) Archivum Lithuanicum. 7. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. С. 123–138.
7. LTSR b-ja kn. 1. 1985 — Merkys V., Doveika K., Kibildis A. R., Kurkulis B., Marcinkevičius J. (red.) Lietuvos TSR bibliografija. Serija A.

- Knygos lietuvių kalba. T. 2. 1862–1904. Kn. 1 (A–P). Vilnius: Mintis, 1985. — 957 c.
8. LTSR b-ja kn. 2. 1988 — Merkys V., Bulavas V., Doveika K., Kibildis A. R., Kurkulis B. (red.) Lietuvos TSR bibliografija. Serija A. Knygos lietuvių kalba. T. 2. 1862–1904. Kn. 2 (R–Ž). Vilnius: Mintis, 1988. — 854 c.
  9. Merkys 1978 — Merkys V. Nelegalioji lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu (ligi 1904 m.). Vilnius: Mokslas, 1978. — 274 c.
  10. Merkys 1994 — Merkys V. Knygnešių laikai 1864–1904. Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1994. — 419 c.
  11. Subačius 2001 — Subačius G. Kalikstas Kasakauskis: lietuvių bendrinės kalbos konjunktūra. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001. — 128 c.
  12. Subačius 2004 — Subačius G. Lietuviška ir rusiška lietuviškų spauginių kirilika 1864–1904 metams // Staliūnas D. (red.) Raidžių draudimo metai. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2004. C. 139–173.
  13. Subačius Balt. 2006 — Subačius G. Filologinis Aleksandro Luočio salto: Трумпасъ Катехизмасъ (1865) verčiamas Trumpu Katechizmu (1874) // Bonifacas Stundžia (red.) Baltistica 41(2). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. C. 238–308.
  14. Subačius 2006 — Subačius G. Kazimiero Lelio ir Ipolito Liutostanskio lietuviškos kirilikos modeliai, 1887–1891 // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) Archivum Lithuanicum. 8. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. C. 279–316.
  15. Subačius 2010 — Subačius G. Nežinomas Zavadzkie spaustuvės leidinukas kirilikos radėmis (1887) // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) Archivum Lithuanicum. 12. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2010. C. 133–156.
  16. Subačius 2011 — Subačius G. Lietuvių kalbos ekspertai Rusijos Imperijos tarnyboje. D. Kaširinas, Z. Liackis, A. Poidėnas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2011. — 459 c.

17. Tamošiūnaitė 2010 — Tamošiūnaitė A. Viena kalba — dvi abėcėlės: kirilika ir lotiniška abėcėlė rašyti Petro Survilo laišakai // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) *Archivum Lithuanicum*. 12. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2010. C. 157–182.
18. Venckienė 2004 — Venckienė J. Kirilika rašytas lietuviškas atvirukas (XX amžiaus pradžia?) // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) *Archivum Lithuanicum*. 6. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. C. 315–338.
19. Venckienė 2006 — Venckienė J. Kirilika rašyti lietuviški XIX amžiaus pabaigos ir XX amžiaus pradžios rankraštiniai tekstai // Subačius G., Aleknavičienė O., Ambrazas S., Bončkutė R., Dini P. U. (red.) *Archivum Lithuanicum*. 8. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. C. 319–332.
20. Zinkevičius 1990 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. 4. Vilnius: Mokslo, 1990. — 336 c.
21. Zinkevičius LKD 1994 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994. — 192 c.

Приложения

Приложение I. Таблица № 1

Графическое обозначение звука	Обозначаемый звук	Автор перевода и название текста											
		С. Микуцкий, Л. Ивинский (1864)	Л. Ивинский, Й. Кречинский (1865)	Й. Кречинский Катехизис-мась (1865)	Л. Ивинский, Й. Кречинский Алторюсь (1866)	Й. Кречинский Актас (1867)	Й. Кречинский Календорюсь (1867)	Й. Кречинский Моклась (1867)	? Евангеліе (1869)	Ф. Фортунатов, В. Миллер (1873)	Й. Кречинский Літургія (1887)	Й. Люто-станскис Неваль-никась (1891)	Й. Грабаускас Календорюсь (1902)
<e>	[e]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	[ė]	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
	[ie]	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-
	[e] = {ia}	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-
<ѣ>	[ė]	+	+	+	+	+	+	+	+	графема не использовалась	графема не использовалась	графема не использовалась	-
	[e] в корне	-	-	-	-	+	+	+	+				-
	[e] в мест. пад.	-	+	-	+	+	+	-	+				-
	[ie]	+	+	+	+	+	+	+	+				+
<э>	[e] после прист.	+	-	+	+	+	+	+	+	графема не использовалась	+	+	графема не использовалась
	[ė]	+	-	-	+	-	-	+	+		+	+	
	[e] в корне	+	-	-	-	+	+	+	-		-	[e] = {a}	
<я>	[e]	+	+	-	+	+	+	+	-	+	графема не использовалась	+	-
	[e] = {ia}	+	-	+	+	+	+	+	+	-		+	+
	[ė]	-	+	-	+	-	-	+	-	-		-	-
<ъ>		-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-
<у> + <о>	[uo]	<ô>	+	+	+	+	+	+	+	<ÿ>	<ÿ>	+	<ÿ>
<ф>, <х>, <ы>		-	+	+	+	+	+	+	+	<ë>, <è>	-	редко + <ë>	<ë>, <è>

Таблица № 1

Приложение II. Иллюстрации кириллических памятников литовского языка 1864–1904 гг.

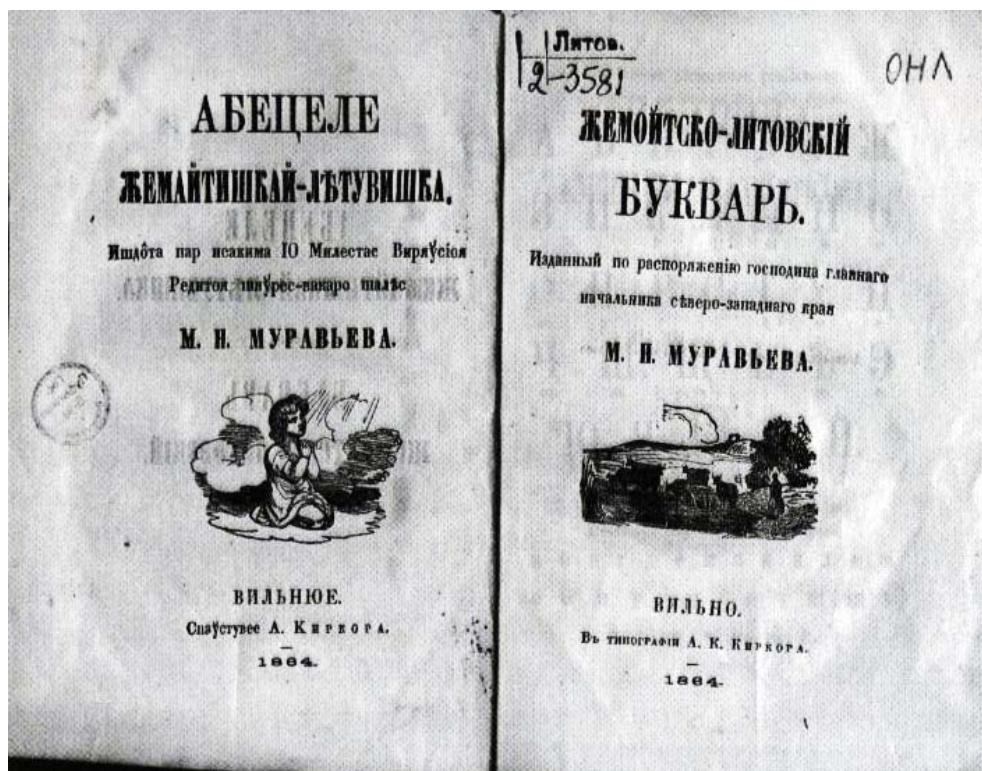

Рис. 1. Азбука С. Микуцкого и Л. Ивинского „Абецеле жемайтишкай-лѣтувишка...“ (1864), с. 2–3.

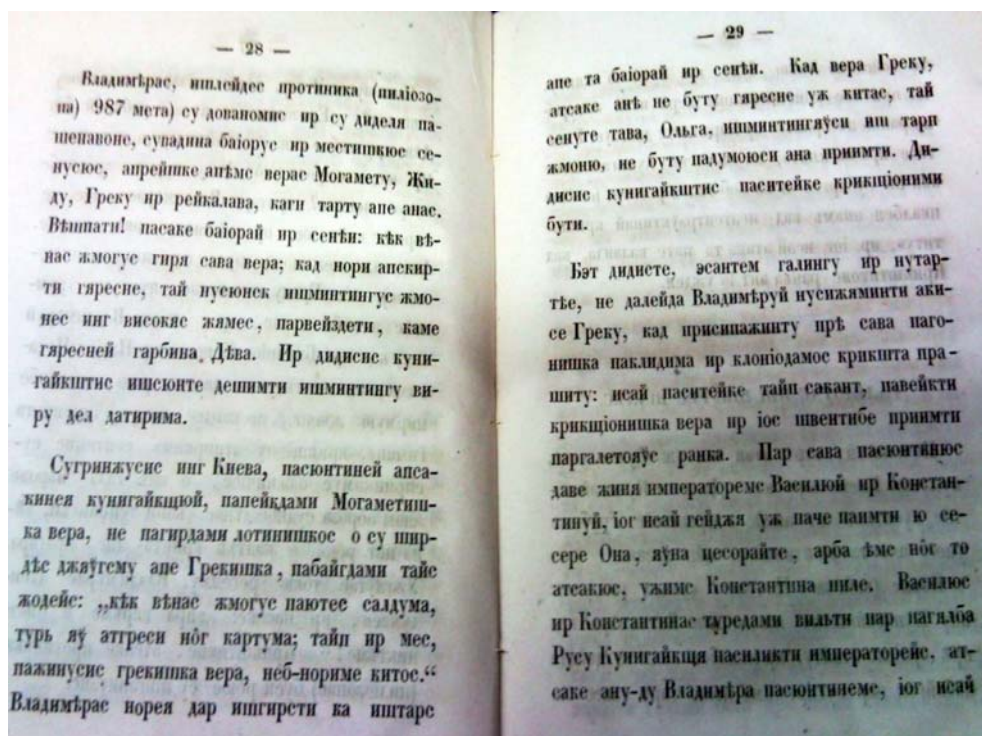

Рис. 2. Азбука С. Микуцкого и Л. Ивинского „Абецеле жемайтишкай-лѣтувишка...“ (1864), с. 28–29 с формами *дешимти*, *туредами*, *кѣк вѣнас*.

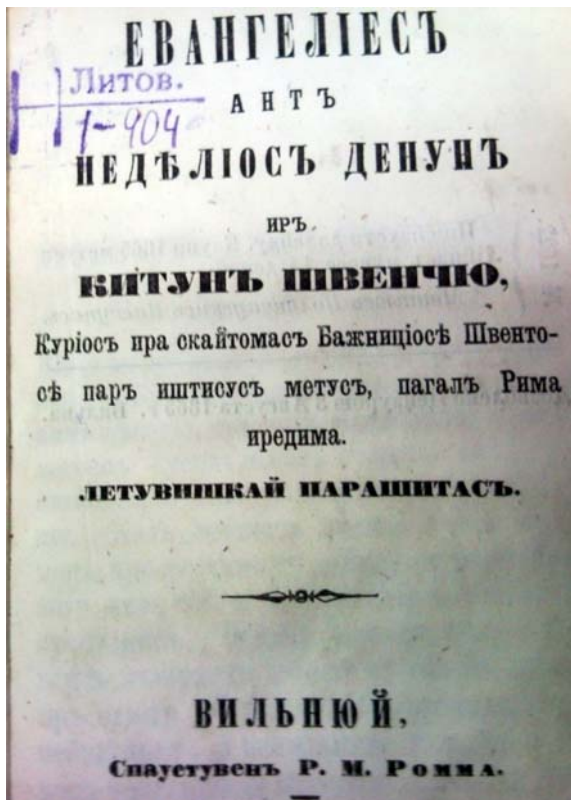

Рис. 3. [Л. Ивинский] „Евангелієсь антъ недѣлюс денунъ ирѣ китунъ швенчу..“ (1865), титульный лист.

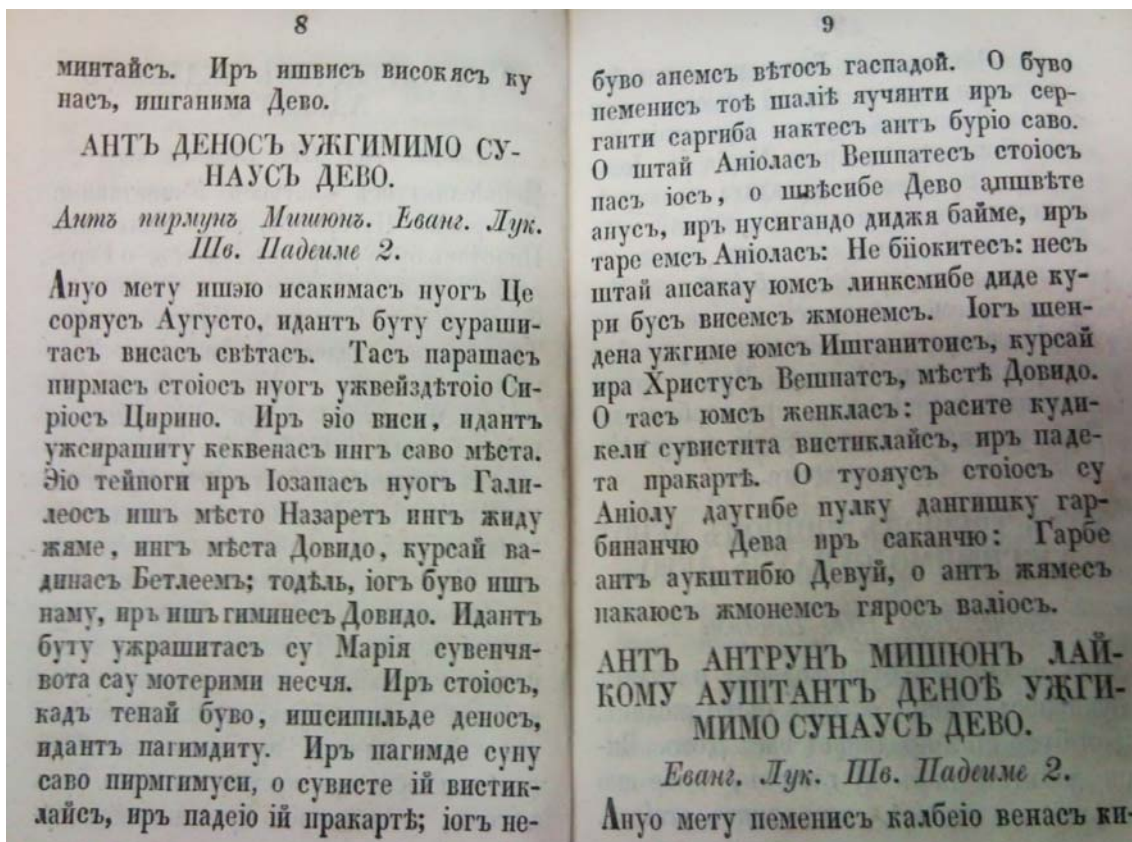

Рис. 4. [Л. Ивинский] „Евангелієсь антъ недѣлюс денунъ ирѣ китунъ швенчу..“ (1865), с. 8–9 с формами *пракартъ*, *тоѣ*, *шаліѣ*, *деноѣ*.

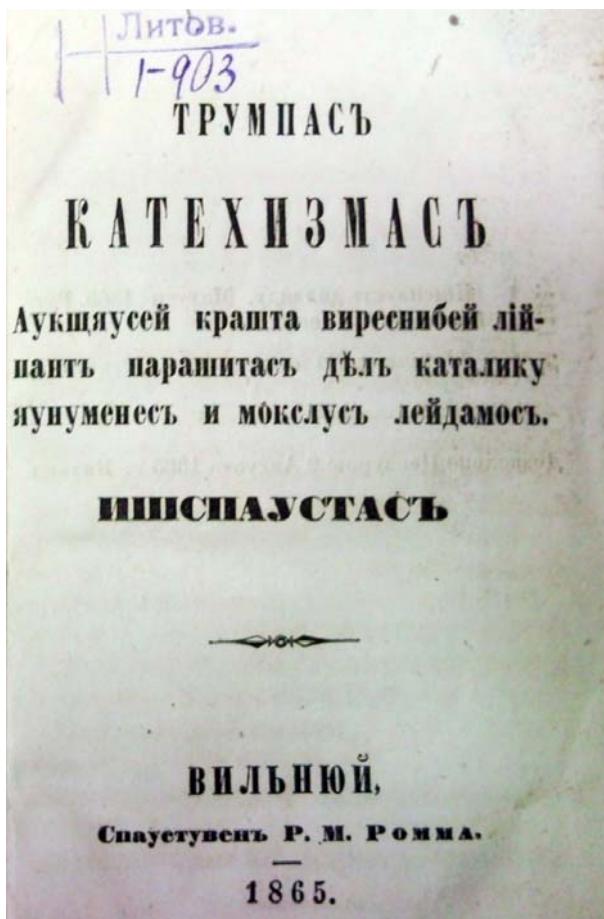

Рис. 5. [Й. Кречинский] „Трумпасъ катехизмасъ...“ (1865), титульный лист.

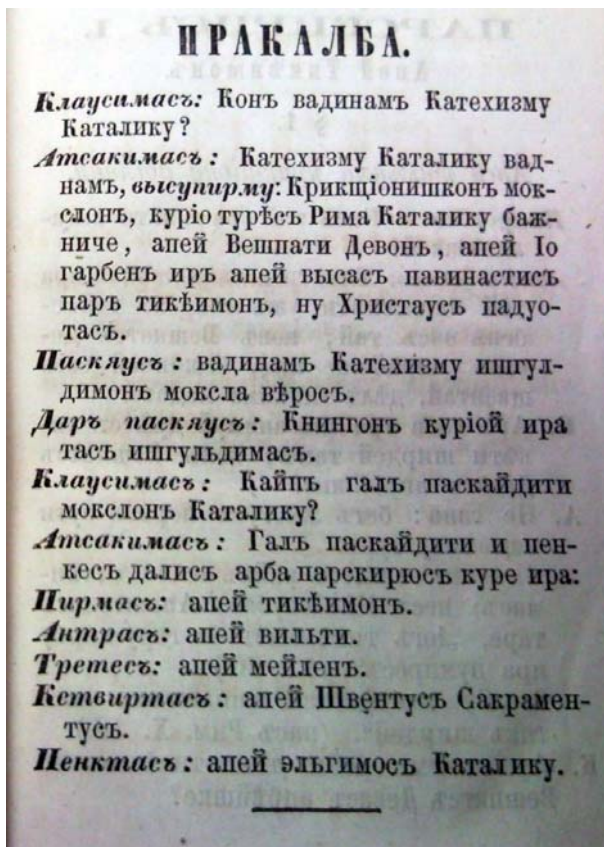

Рис. 6. [Й. Кречинский] „Трумпасъ катехизмасъ...“ (1865), с. 3 с формами *Вешпати*, *куре*, *эльгимось*.

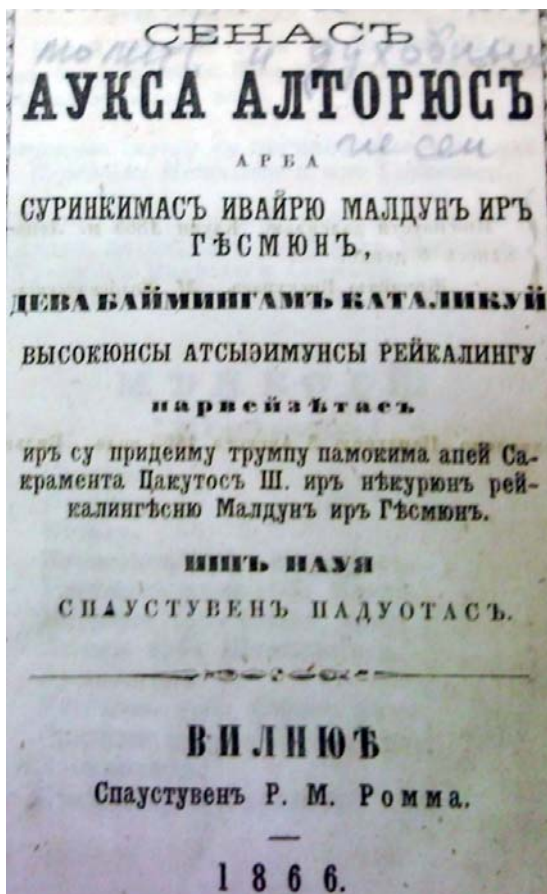

Рис. 7. [Л. Ивинский, Й. Кречинский] „Сенасъ аукса алторюсъ...“ (1866), титульный лист.

Рис. 8. [Л. Ивинский, Й. Кречинский] „Сенасъ аукса алторюсъ...“ (1866), с. 7 с формами *груодисъ*, *дена*, *мънесю*.

Рис. 9. [Й. Кречинский] „Актасъ иръ потерей...“ (1867), титульный лист.

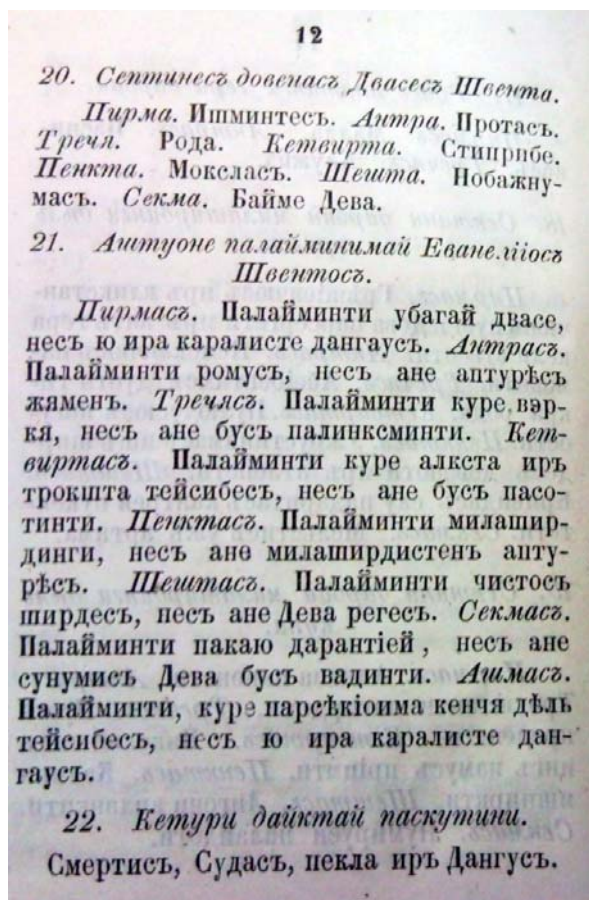

Рис. 10. [Й. Кречинский] „Актасъ иръ потерей...“ (1867), с. 12 с формами *вэркя, жямень, куре*.

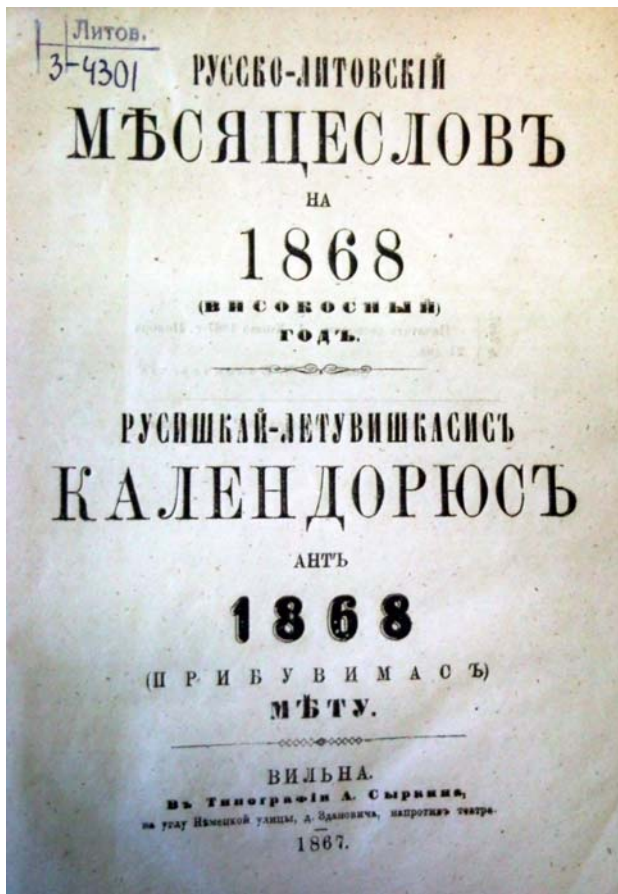

Рис. 11. [Й. Кречинский] „Русишкой летувишкасисъ календорюсъ антъ 1868 (прибувимасъ) мѣту“ (1867), титульный лист.

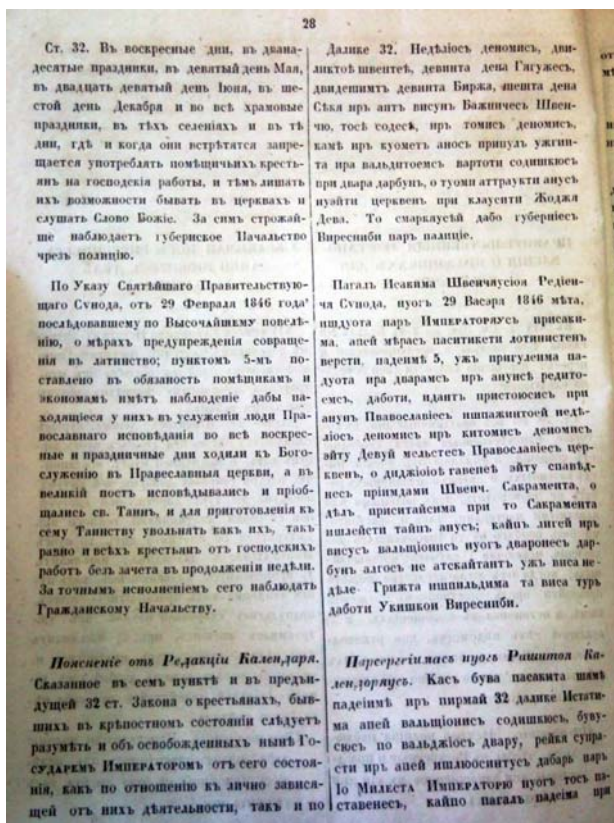

Рис. 12. [Й. Кречинский] „Русишкой летувишкасисъ календорюсъ антъ 1868 (прибувимасъ) мѣту“ (1867), с. 28 с формами *императоряусъ*, *дѣль*, *куоментъ*.

Рис. 13. [Й. Кречинский] „Моксласъ скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку“ (1867), титульный лист.

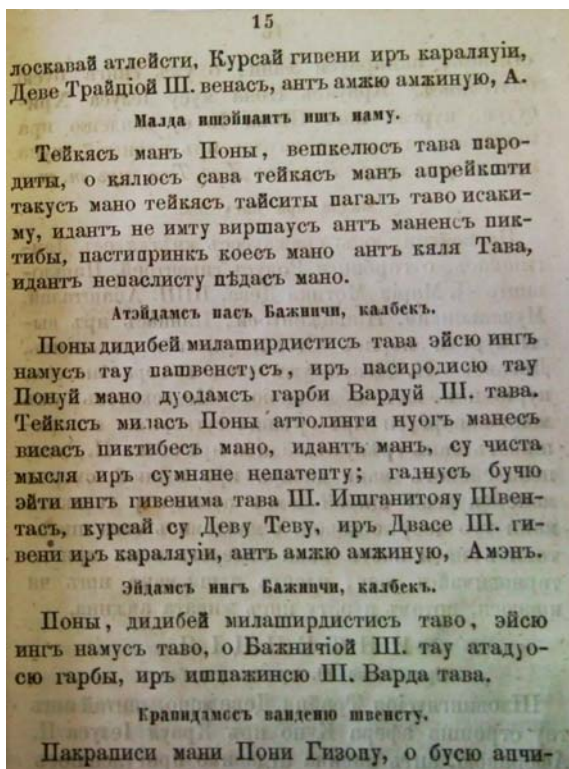

Рис. 14. [Й. Кречинский] „Моксласъ скайтима рашта летувишка дѣль мажу вайку“ (1867), с. 15 с формами *непатепту, гивени, атѣйдасѣ*.

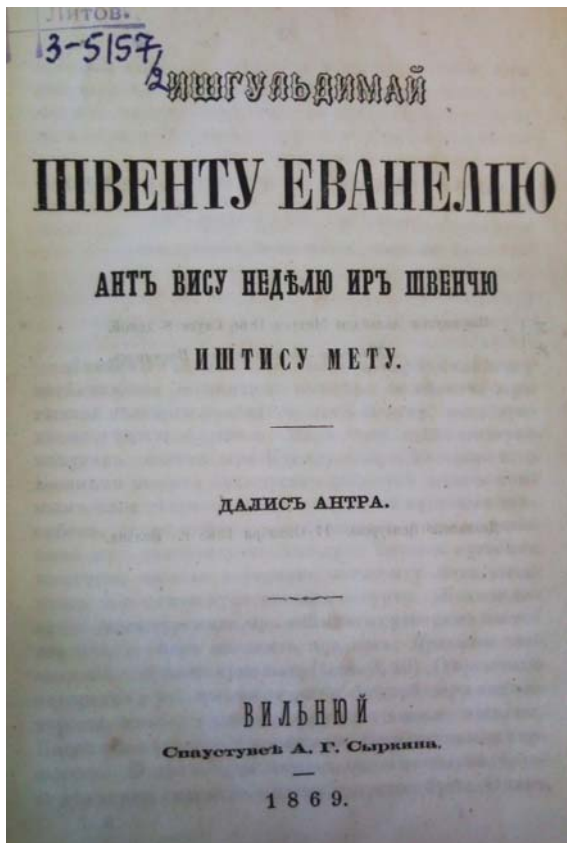

Рис. 15. „Ишгульдимай швенту евангелію...“ (1869), титульный лист.

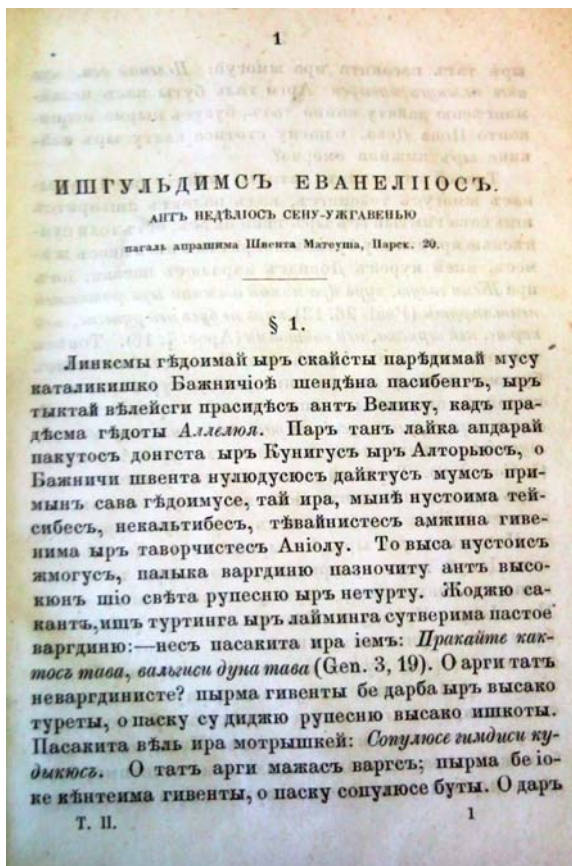

Рис. 16. „Ишгульдимай швенту евангелію...“ (1869), с. 1 с формами *сену, прасидѣсь, танѣ*.

Рис. 17. Ф. Ф. Fortunatov, В. Ф. Miller „Litovskia narodnia pesni sobrannia vsev. Millerom i f. Fortunatovym“ (1873), titulnyi list.

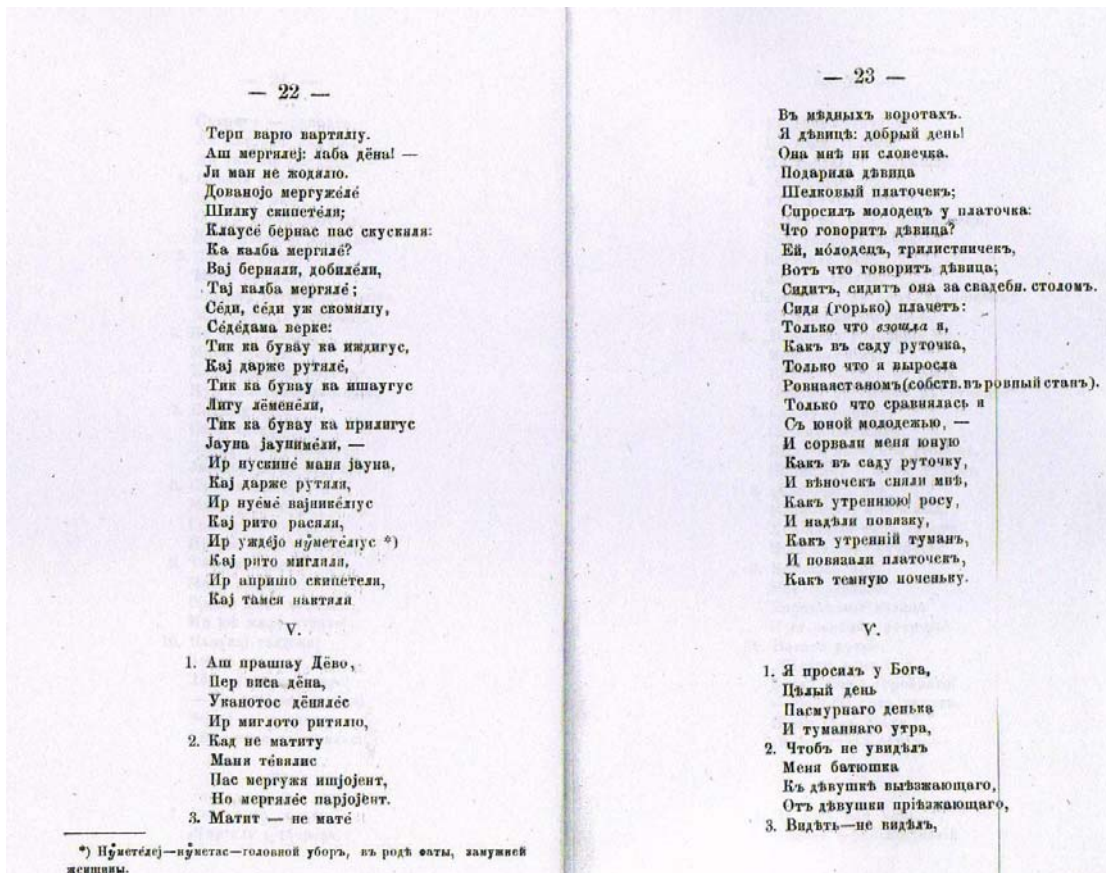

Рис. 18. Ф. Ф. Fortunatov, В. Ф. Miller „Litovskia narodnia pesni sobrannia vsev. Millerom i f. Fortunatovym“ (1873), с. 22–23 с формами *tėvylic*, *dėna*, *nūmetėlus*.

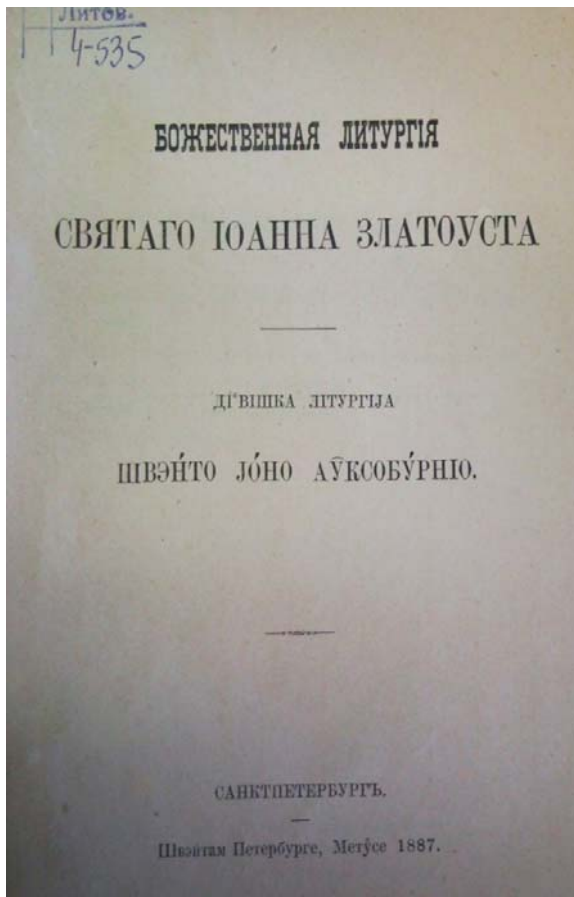

Рис. 19. [Й. Кречинский] „Ді°вишка літургія Швэ́нто Јо́но Аўксобу́рніо“ (1887), титульний лист.

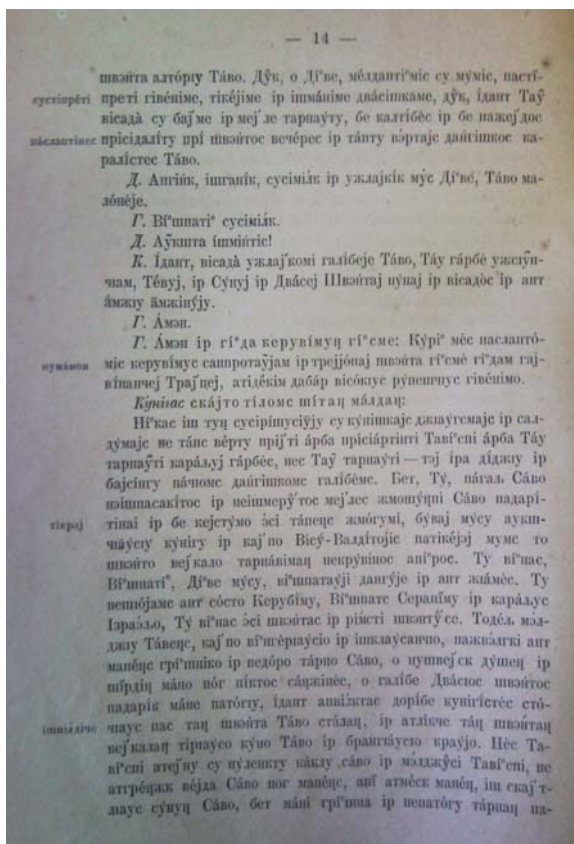

Рис. 20. [Й. Кречинский] „Ді°вишка літургія Швэ́нто Јо́но Аўксобу́рніо“ (1887), с. 14 с формами *гї'сє*, *нєїшмер'їтос*, *карї'буї*.

Рис. 21. [И. Лютостанскис] „Кауказа невальникась“ (1891), титульный лист.

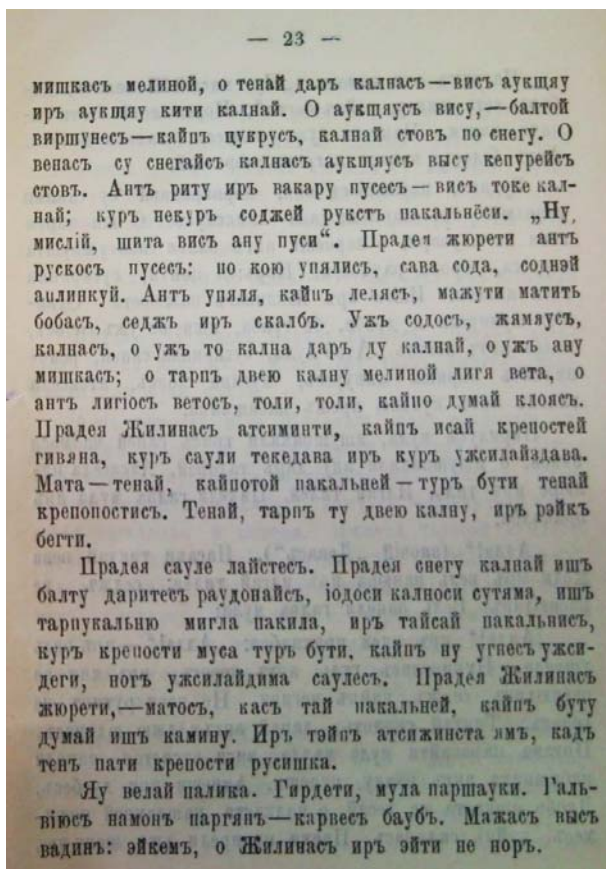

Рис. 22. [И. Лютостанскис] „Кауказа невальникась“ (1891), с. 23 с формами *ишважуодамась, пусденя, герэй*.

Рис. 23. [Й. Грабаускас] „Укишкасис календорюс 1902 метамс“ (1902), титульный лист.

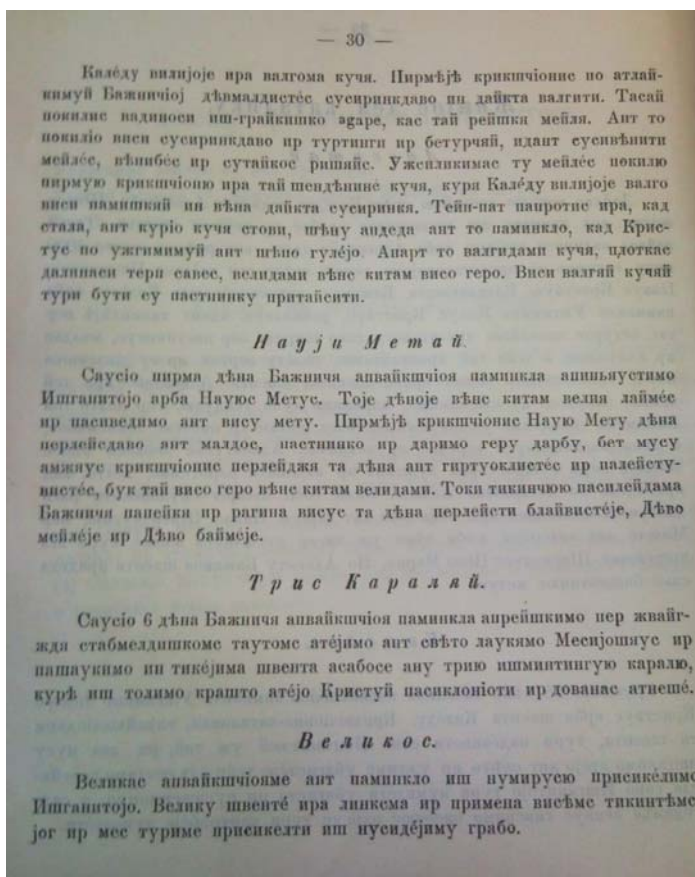

Рис. 24. [Й. Грабаускас] „Укишкасис календорюс 1902 метамс“ (1902), с. 30 с формами *нусидėjиму*, *курть*, *бажничя*.